

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ филологический

КАФЕДРА русского языка и методики обучения русскому языку

Тема выпускной квалификационной работы

Языковые средства оценочности в письмах А.С.Пушкина

Выпускная квалификационная работа

по направлению 44.03.05 Педагогическое образование

Направленность программы бакалавриата

«Русский язык. Литература»

Форма обучения очная

Проверка на объем заимствований:

77,15 % авторского текста

Выполнил (а):

Студентка группы ОФ-515/075-5-1

Айдынян Алла Валерьевна

Работа рекомендована к защите

«29» мая 2021.

Научный руководитель: к.фил.н., доцент

Иваненко Галина Сергеевна

зав. кафедрой русского языка и МОРЯ

Глухих Наталья Владимировна

Челябинск

2021 год

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Изучение понятий оценочности и эмоциональности в научной парадигме.....	6
1.1 Оценочность как лингвистическая категория.....	6
1.2 Средства создания оценочности.....	10
1.3.Типы оценок.....	14
1.4.Структура оценки.....	19
Глава 2. Средства создания оценочности и объекты оценки в письмах А.С.Пушкина.....	26
2.1.Языковые средства создания оценки в эпистолярном дискурсе А.С.Пушкина	26
2.2.Объекты выражения оценки в эпистолярном дискурсе А.С.Пушкина	46
Заключение.....	67
Список использованной литературы.....	70

Введение

Взаимодействуя с окружающим миром и осознавая его, человек выражает отношение к воспринимаемому, дает ему оценку, устанавливает его реальную или потенциальную ценность. Оценочное отношение человека содержится в высказываниях, с помощью которых определяет ценность того или иного явления. Безусловно, оценка пронизывает все сферы человеческой деятельности и отражает ценностные представления общества. Поэтому проблема оценочности является актуальной и интересной для исследователей. Исследованию экспрессивности оценок посвящены работы ученых, обращающихся к формированию оценочного значения на различных языковых уровнях, функционированию таких единиц в произведениях, связи оценки и каких-либо характеристик личности.

Творчество великого поэта и писателя А.С. Пушкина на протяжении многих лет исследуется лингвистами и литературоведами [Анненков 1874; Сиповский 1902; Модзалевский 1826, 1935; Виноградов 1930, 1935, 1941; Томашевский 1956; Гроссман 1960; Ходакова 1964; Балашов 1980; Черейский 1981; Иванчук 1982; Вересаев 1987; Лотман 1999; Чернявская 2001; Пеньковский 2002; Калинин 2004; Омарова 2004; Цоффка 2004; Соловьёва 2006; Войлова 2007; Герасименко 2009; Обухова 2009 и др.]. Эпистолярное наследие является значимой частью творчества А.С.Пушкина. Эпистолярный дискурс автора исследуется в различных аспектах: изучаются данные биографии поэта и его окружения [Модзалевский 1926, 1935; Тынянов 1969; Черейский 1981; Вересаев 1987], анализируется связь художественных и эпистолярных произведений поэта [Маймин 1962; Семенко 1962; Винокур 1991; Старк 2006], рассматривается стиль «дружеского письма» [Степанов 1966; Гроссман 1994; Фесенко 2009] и совершенствование стилистических норм в письмах поэта [Виноградов 1930,

1935, 1941; Малаховский 1937, 1938; Ильинская 1970; Иванчук 1982; Войлова 2007]. Тем не менее, использование оценочной лексики в языке А.С.Пушкина является малоисследованным. А ведь именно в содержании оценки «скрывается информация о свойствах языковой личности, сформировавшейся и живущей в конкретную эпоху и в определённой среде» [Леденёва 2000, с. 61]. Исследование личности создателя произведения не может обойтись без обращения к эмоциональному аспекту. Эмотивно-оценочная лексика передаёт эмоциональное состояние языковой личности, её чувства, переживания, отношение к ситуации, объекту оценки. Этим объясняется **актуальность** нашей работы.

Цель данной работы – исследовать лексические средства выражения оценки и функции высказываний, включающих данный пласт лексем.

В соответствии с целью были поставлены следующие **задачи исследования**:

- 1) выявить оценочные высказывания в письмах А.С.Пушкина;
- 2) проанализировать и классифицировать собранный материал с точки зрения разных компонентов оценки (субъекта оценки, объекта оценки, мотиваций), характера самой оценки в эпистолярном дискурсе;
- 3) выявить основные принципы употребления оценочных средств, выделить ведущие оценочные средства и определить образно-эстетическую, идейно-тематическую, общезыковую и индивидуально-авторскую мотивированность этих средств.
- 4) выявить объекты выражения оценочности в эпистолярной А.С.Пушкина;

Объектом исследования являются оценочные высказывания в письмах А.С.Пушкина

Предмет исследования – состав и функционирование оценочной лексики в письмах Пушкина.

Материалом послужили письма, опубликованные в 1815-1830гг., вошедшие в 9 том «Собрания сочинений в 10 томах».

Практическая значимость работы заключается в выявлении оценочных и экспрессивных единиц в текстах А.С.Пушкина, в возможности использования результатов работы при дальнейшем изучении особенностей выражения оценки и экспрессивности, художественных приемов, идиостиля данного автора в эпистолярном наследии.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его материалы вносят вклад в изучение категории оценки на фактическом языковом материале определённого периода истории русского языка. Также материалы раскрывают специфику функционирования в эпистолярном дискурсе различных языковых единиц, выражающих оценочные значения.

Структура работы. Работа включает введение, заключение, основную часть (глава I и глава II), список использованной литературы.

Глава 1.Изучение понятий оценочности и эмоциональности в научной парадигме

1.1.Оценочность как лингвистическая категория

Оценка является одним из важнейших аспектов коммуникации и познавательной деятельности человека, который используется во всех видах отображения действительности. Оценка – способ взаимодействия человека и окружающего мира.

Вместе с выработкой объективной картины мира происходит формирование системы ценностей, основанной на оценке действительности. Таким образом, оценка - это мыслительный акт, с помощью которого субъект выражает свое отношение к объекту.

Исследование оценки имеет достаточно длительную историю. Изучению оценки посвящены труды многих российских и зарубежных исследователей, среди которых можно назвать работы Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, В.Н.Телия, М.П. Кожиной, Т.В. Матвеевой, А.В. Бондарко, А.В. Вежбицка и др. Ученые пытаются сформулировать определение термина «оценка», выявить способы и языковые средства ее выражения, разработать классификации видов оценки. Многие авторы исследовали вопросы выражения оценочности на разных уровнях языка, функционирования средств оценочности в тексте, выявляли зависимость типа оценки и языковых способов её выражения от ситуации общения, анализировали взаимосвязь языковой оценки с различными характеристиками личности и т.д. Оценку изучают в соотношении с категориями, как эмоциональность, эмотивность, оценочность, экспрессивность. Однако и сегодня исследование категории оценки является актуальным для лингвистов.

Однако, несмотря на большое количество работ по исследуемой проблеме, в лингвистике нет общепринятого понимания термина «категории оценки». «Концепт оценки является «интуитивно ясным», но с трудом поддается определению, которое бы удовлетворяло большинство исследователей» [12].

Язык оценок раскрывает картину мира, ценностные ориентиры автора и выражается способом использования слова в высказывании. Языковые средства интерпретации и семантики оценки формируют индивидуальный творческий стиль автора. Поэтому стоит подходить к рассмотрению категории оценки и понятия «языковая личность» с антропоцентрической точки зрения в их неразрывной связи, независимо от того, конкретная это творческая личность (тогда речь будет идти о средствах оценки, несущих биографический отпечаток) или более абстрактное понятие, соотносимое с качествами любого носителя языка в рамках конкретной эпохи. Выявление этих средств и их описание дают представление о возможностях слова в произведении, в тексте, «преображенном» оценивающим субъектом.

Приведем основные трактовки понятия «оценка».

Словарь лингвистических терминов [2004] понятие «оценка» определяет так: «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п. – как одна из основных частей стилистической коннотации». Также здесь сделан акцент на категории субъективной оценки – «семантико-синтаксическая категория, выражаемая соответствующим синтаксическим употреблением разных частей речи: существительного, качественного прилагательного и наречия – и выражающая отношение говорящего к предмету речи».

А.А. Ивин говорит об оценке как о способности мышления человека, заключающейся в сравнении предметов, сопоставлении их свойств и

выражении результатов этих процессов в виде какого-либо отношения (нейтрального, негативного, позитивного). [13].

Оценка основывается на способности того или иного объекта удовлетворять потребности, желания, интересы или цели человека. Совершить оценку – значит найти предмет или его свойство ценным для субъекта оценки [15].

Н.Д. Арутюнова определяет оценку так: «умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта» [4].

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» Е.А. Баженова трактует оценку следующим образом: «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [50].

Итак, оценка - высказывание субъекта речи, закрепленное в языке в виде какого-либо (позитивного или негативного) отношения говорящего к предмету речи и характеризующее предмет высказывания с позиции способности удовлетворять интересы, цели и потребности субъекта;

Оценка, выраженная языковыми средствами, становится свойством языковых элементов, которое называют оценочностью.

При разделении таких понятий, как «оценка» и «оценочность», нужно понимать, что оценочность подразумевает реализацию категории оценки в языке, это способность единиц языка выражать ценностную значимость, а оценка включает в себе мнение о предмете, которое выражает его характеристику через соотношение с категорией ценности.

Оценка тому или иному факту или событию тесно связана с выражением личного эмоционального отношения говорящего.

Под эмоциональностью в современной науке понимаются свойства человека выражать свои чувства и эмоции при помощи различных средств.

Ключом к исследованию эмоций человека является сам язык, который называет эти эмоции, формулирует их, изображает, подражает, систематизирует и т.д. Собственно язык и вырабатывает эмоциональную картину мира каждого человека в отдельности и всего народа в целом.

В более ранних исследованиях четко прослеживается тенденция к строгой дифференциации таких понятий, как эмоциональность, оценочность, экспрессивность. В 80-х годах (Н.А.Лукиянова, Е.М. Вольф), в исследованиях последнего времени (Л.М.Васильев Н.Д. Арутюнова и др.) высказываются мысли о тесной связи эмоциональности и оценочности, и всё чаще их рассматривают как единый эмоционально - оценочный компонент. В .К. Харченко и Н.А.Лукиянова выделяют эмоциональность, оценочность в качестве компонентов, входящих в смысловой состав понятия “экспрессивность”, подчеркивая связь этих понятий.

Итак, согласно первой точке зрения, оценочность и эмоциональность - неделимое единство. Другая позиция состоит в том, что оценочность и эмоциональность - компоненты всё-таки различные. Различие этих компонентов подтверждает тот факт, что различным видам эмоциональных явлений функция оценки свойственна не в одинаковой степени.

Мы считаем, что эмоциональность и оценочность - это связанные понятия, однако полагаем, что не вся лексика, содержащая оценку, будет выражать эмоции автора.

Оценочный характер человеческого познания подчеркивается многими исследованиями. Н.Д. Арутюнова относит оценку к числу собственно человеческих категорий. С одной стороны, оценка задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, с другой стороны, она определяет мышление человека, его деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, восприятие искусства.

Категория оценки широко изучена в отечественном и зарубежном языкознании, где сформулированы проблемы оценочных значений высказываний, специфика их функционирования и способы выражения в тексте. Различные подходы к изучению категории оценки свидетельствуют о сложности и неоднозначности изучаемого явления.

Д.Н. Шмелев в своих исследованиях пишет об «экспрессивно - стилистической окраске» слова, его «эмоционально - оценочном компоненте» и «эмоционально - оценочных оттенках» [45,с.205]. М.Н. Кожина, рассматривая стилистически окрашенную лексику, выделяет в ней лексику «эмоционально - экспрессивно окрашенную» и не дает понятия оценочной лексики, но говорит о наличии в слове «элемента оценки» [20, с.150]. И.Б.Голуб выделяет слова, которые «не только называют понятия, но и отражают отношения к нему говорящего». В.Н. Телия пишет об «оценочных структурах» в составе слова [37, с.23].

1.2. Средства создания оценочности

Рассмотрим основные средства выражения эмоциональности на различных уровнях языка.

Словообразовательные средства выражения эмоциональности. Эмоциональность может быть выражена при помощи словообразовательных

элементов, которые несут в себе разнообразные эмоциональные оттенки. Например,

1) использование уменьшительно-ласкательных суффиксов типа -еньк-, оньк-, -иньк-, ушк-, юшк- (дочь – доченька, соловей – соловушка, душа – душенька);

2) употребление суффиксов субъективной оценки, таких, как -к-, -ок-, -ек- (снег – снежок, чай – чаек, смех – смешок);

3) применение различных приставок, например, больно – пребольно, сверхинтересный, супергерой;

4) возможность образовать превосходную степень имени прилагательного добавлением приставки наи- и суффикса -ш-: сильный–наисильнейший; или с помощью суффикса -ейш-: злой – злейший;

5) образование простой сравнительной степени наречий, например, хорошо – лучше или составной сравнительной степени, например, более ярко, менее ярко.

Лексические средства выражения эмоциональности.

В составе эмоциональной лексики можно выделить 3 основных группы:

1. Слова, которые содержат в себе оценку явлений, которые представляют характеристику человека, например, чудесный, превосходный (восторг); неприятный, подставить, подлиза, любимчик (пренебрежение, неодобрение) и т.д.. Данные слова не могут употребляться в переносном значении, а только в прямом.

2. Многозначные слова, которые получили эмоциональную окраску при их переносном использовании. Так, например, говорят о человеке, определяя его характер: шляпа, тряпка, тюфяк, вешалка (эмоции пренебрежения).

3. Слова, которые передают разнообразные оттенки эмоций, например, внучочек, мамочка, бабулечка, солнышко (положительные эмоции); нудный, усищи, канитель (отрицательные).

Эмоциональность зачастую выражается с помощью экспрессивной лексики. Экспрессивность в речи – это, прежде всего, выразительность и сила, проявление чувств и переживаний. Например, слово *хороший* в состоянии восторга может превратиться в слово с наибольшей экспрессией типа *прекрасный, замечательный, восхитительный*. По уровню эмоционального напряжения слово также может иметь немало экспрессивных синонимов, например, *несчастье* в значении *горе, катастрофа; буйный* в значении *безудержный, яростный*.

Морфологические средства выражения эмоциональности.

В разговорной речи эмоциональную нагрузку несут как самостоятельные, так и служебные части речи, потому что, когда в речи не хватает слов для выражения чувств, то используются междометия, частицы и т.д.

1. Слова категории состояния, которые выражают в своем значении душевное, психическое, физическое и др. состояние человека, окружающей среды, оценку действий, например, *грустно, весело, жалко, радостно, печально, тоскливо*.

2. Междометие – это часть речи, включающая в себя неизменяемые слова, которые прямо называют наши чувства: печаль, сожаление, радость,

счастье, надежду, удивление и др., например, — Батюшки! — воскликнула взволнованная мать.

3. Модальные слова – это слова, которые помогают говорящему оценить свое высказывание или происходящие события. Например, значение неуверенности, сомнения можно выразить такими словами, как *наверное, кажется*; эмоциональное отношение к фактам действительности выражается при помощи выражений *к счастью, к удивлению, к сожалению, к несчастью, к огорчению, к радости* и т.д.

4. Частицы – это служебные слова, которые придают добавочный смысл и эмоциональные оттенки. Например, использование восклицательно-оценочных частиц *что за! как! ну!* Или употребление частицы *С-*, которая выражает подобострашие и вежливость.

Синтаксические средства выражения эмоциональности.

Как известно, синтаксис – это логическое и смысловое соотношение и расположение слов в предложениях, из которых состоит речь.

С эмоциональной точки зрения синтаксические конструкции можно разделить на следующие типы:

А) именительные конструкции типа: *Сибирь! Москва!* Два эти слова звучали именем страны (Твардовский);

Б) риторические вопросы;

В) вопросы, где активизация речи происходит благодаря смещению монологической и диалогической форм, в результате которой создается ощущение живого общения, например, *Проще всего обвинить во всем государство. Но часто ли мы анализируем развал в собственных душах?*

Г) синтаксические повторы, например: *Что такое гармония? Гармония есть согласие мировых сил, порядок мировой жизни. Порядок – космос, в противоположность беспорядку – хаосу. Из хаоса рождается космос, мир, учили древние.* (А.Блок);

Д) риторические восклицания, к примеру: То было в утро наших лет-

О счастье! о слёзы!

О лес! о жизнь! о солнца свет!

О свежий дух берёзы.

(А. Толстой);

Е) инверсия, например: Сегодня у берега нашего бросил свой якорь досель неизвестный корабль. (Н. Гумилёв)

Итак, средства выражения эмоциональности представлены практически на всех языковых уровнях, и сам язык предлагает нам многообразные способы выражения своих эмоций на всех этих уровнях.

1.3. Типы оценок

Одной из главных трудностей в исследовании категории оценки является определение ее типов. В настоящее время существуют различные классификации, базирующиеся на разных критериях. Например, Е.М.Вольф разделяет оценки на эмоциональные и рациональные. Эмоциональная оценка - это оценка, представляющая собой реакцию субъекта на объект. Она основывается на личных стереотипах, которые выражаются в представлениях субъекта речи. Эмоциональная оценка предполагает изменение эмоционального состояния участника разговора и вызов у него ответной

реакции, рациональная же основывается на согласии или несогласии с высказанным мнением.

По содержанию выделяют положительную (мелиоративную) и отрицательную (пейоративную) оценку. Однако в зависимости от контекста одно и то же слово может приобретать различные оценочные оттенки. О.С. Ахманова трактует эти понятия следующим образом: «пейоративный (уничижительный, депрециативный, детериоративный, неодобрительный) — обладающий отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией» [46, с. 315]; «мелиоративный (возвеличительный) - обладающий положительным экспрессивно-эмоционально-оценочным созначением (окраской) или сообщающий (придающий) слову такое созначение» [46, с. 226].

При этом положительность и отрицательность противопоставляются нейтральной оценке, которая является точкой отсчета в процессе оценочности. В лингвистической литературе многократно доказывалось, что экспрессивные лексические единицы с негативными эмоциями оценки в большей степени доминируют над экспрессивными лексическими единицами с положительными эмоциями и чувствами.

Некоторые ученые выделяют и более двух компонентов. Так, Т.В. Маркелова выделяет 7 составляющих оценки: «очень хорошо - довольно хорошо — хорошо — средне - довольно плохо — плохо - очень плохо» [28, с. 77].

Е.М. Вольф говорит о том, что шкала оценки не статична и может изменяться как в сторону нарастания, так и сторону убывания какого-либо признака. На оценочной шкале расположены зоны положительной и отрицательной коннотации, между которыми находится нейтральная зона. [11].

Иногда ученые говорят и об оценке, которая соединяет в себе положительные и отрицательные значения. Так, В.А. Манза относит синкретизм оценки к характерному свойству оценочно-экспрессивной метафоры [Манза 2003, с. 24].

Рассмотрим типы оценок, которые выделяет Г.Г. Сильницкий: общая оценка: хороший - плохой; прагматическая оценка: успех — неуспех; эстетическая оценка: красота — уродство; этическая оценка: добро — зло; оценка истинности: истина - заблуждение, правда — ложь [33, с. 241].

Деление оценки на рациональную и эмотивную в современной лингвистике практически не используется. Поэтому при изучении оценочности ученые употребляют термин «эмоциональная языковая картина мира», которая является единством компонентов, включающих эмоциональные представления, эмоциональные понятия и эмоциональные концепты. В словесном выражении эти составляющие представляют смысловое и структурное единство. Эмоциональная языковая картина мира складывается в ходе ментального познания мира как итог деятельности сознания человека, направленной на оценку. [6, с. 23].

Согласно еще одной классификации оценки делятся на речевые и языковые. В языковой оценке «оценочный компонент признаётся узувальным, «закрепляется» в семантике значимых единиц языка» [42, с. 52]. Оценочное значение языковой единицы в качестве речевой оценки «зависит от условий реализации процесса общения, не является постоянным компонентом семантики и в этом смысле она может быть названа окказиональной [Там же]. Оценка в эпистолярном дискурсе, безусловно, является речевой.

По количеству объектов оценки выделяют абсолютную и относительную (сравнительную) оценку. Абсолютная оперирует такими терминами, как «хорошо/плохо», относительная использует термины «лучше/хуже». При первом виде оценки мы говорим об одном объекте оценки, при сравнительной – как минимум, о двух объектах или о двух различных состояниях одного объекта. Иначе говоря, абсолютная оценка содержит невыраженное сравнение, основанное на сходстве стереотипов общества, а сравнительная оценка основана на сопоставлении объектов друг с другом.

При совпадении субъекта оценки, субъекта речи и объекта оценки можно иметь в виду самооценку. Самооценка — это, «во-первых, интерпретация производителем текста (говорящим «я») своего поведения в знаковой ситуации, объяснение своего конкретного речевого поступка», «во-вторых — словесное само моделирование» [18, с. 27]. Словесное само моделирование - это автопортрет языка субъекта. Он может быть многоинформативным и включать различные аспекты характеристики личностного способа языкового осмысления картины мира, стратегии использования слова, или «воссоздавать доминантный признак образа своего «я» как языковой личности как бы в эскизном решении, затушёвывающем подробности» [Там же]. При аксиологической характеристике этого вида оценки подразумевают не положительный и отрицательный полюсы, а о высокую и низкую самооценку [Санников 2006].

С точки зрения выражения оценки с помощью языковых средств она делится на эксплицитную (явную) и имплицитную (скрытую) и производится относительно установленного в картине мира эталона. Средствами выражения эксплицитной оценки являются: слова и фразеологические единицы с соответствующей коннотацией, особые синтаксические конструкции (например: *Какой чудесный вечер! Что за чудо!*), интонация,

некоторые стилистические приемы, а также ряд оценочно ориентированных текстов и жанров.

Имплицитная оценка выражается посредством структур текста, которая содержит в себе намеки и ассоциации.

Итак, по характеру оценки делятся на положительные, отрицательные и нейтральные; в их основе находится одобрение, осуждение или отсутствие таковых как констатация устоявшейся в обществе оценки какого-либо явления или предмета [7, с. 5]. Оценка реализуется как в средствах языка, так и в речи. Поэтому важно различать оценочные смыслы и оценочные значения. Первые отражаются в речевых высказываниях, вторые реализуются в языковой системе, где оценка является элементом значения единицы любого уровня.

Исследователи считают, что различные типы оценок выражаются по-разному. Например, для выражения эмоциональной оценки можно употребить какое-либо междометие, рациональной же оценке обычно присущи многоэлементные выражения, полупредикатные конструкции.

По смыслу оценка подразумевает «ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «А (субъект оценки) считает, что В (объект оценки) хороший/плохой». Совокупность положительных и отрицательных ценностей представляет собой ценностную картину мира социума, которая сформирована особенностями культуры, имеет свой исторически сложившийся характер, присущий именно данной культуре, и специфицирует ее на фоне мировой культуры [27, с.54]. Исследователи выделяют общечеловеческие и национально-культурные системы ценностей, а также коллективные и индивидуальные ценности.

1.4 Структура оценки

Оценка выделяется своей особой структурой. С точки зрения логики оценки выделяются четыре обязательных компонента оценочной структуры: оценивающий субъект, т.е. человек, который определяет ценность какого-либо явления или предмета с помощью выражения оценки; объект – предмет или явление, которое оценивается; характер оценки определяется тем, квалифицирует ли она предметы как хорошие и плохие; основание оценки – это позиция и доводы, которые побуждают субъекта к негативной или положительной оценке объекта [13]. Лингвистическая категория оценки предполагает наличие дополнительных компонентов в своей структуре, таких как оценочный предикат, шкала, аспект, мотивировки оценки. Например, В.Н. Телия говорит о структуре языковой оценки так: «Субъект (личность с ее вкусами и мировоззрением) и объект (фрагмент мира в его системных связях) соединены оценочным суждением, в котором выражается то или иное пристрастие субъекта к миру» [38, с.192].

Субъектом оценки может быть отдельная личность, часть общества или общество в целом; также оценка может не иметь субъекта и быть истинной в «реальном мире». Поэтому можно говорить о регулятивности оценки. С точки зрения А.А. Ивина, формулировка релятивизма заключается в том, что «являющееся хорошим для одного, может не быть хорошим для другого, и следует всегда указывать, для кого именно нечто хорошо, т.е. релятивизировать оценку путем указания лица, высказывающего ее» [13, с. 56].

Нужно разграничивать такие понятия, как «субъект оценки» и «субъект речи». Субъект речи – тот, кому принадлежит речевой акт. Субъект оценки – лицо, которое квалифицирует предметы и явления и высказывает свое отношение к ним. Эта оценка не является универсальной. То, что имеет

положительные коннотации для одного, может иметь отрицательное значение для другого. Поэтому необходима релятивизация оценки [13, с. 21].

Субъект оценки и субъект речи могут совпадать, а могут быть различными. Экспликация субъекта оценки, выражающего собственное или чужое мнение, способствует субъективизации оценки. Об объективизации оценки можно говорить при отсутствии экспликации субъекта речи и указании на общепринятые стереотипы. Экспликация субъекта оценки выражается прямым указанием на лицо, фразами с пропозициональными глаголами, неопределённо - личными конструкциями. Обращение к субъекту оценки позволяет сделать оценочное суждение не столь категоричным и предположить существование других стереотипов восприятия. ИмPLICITный субъект оценки прослеживается на уровне текста с учётом различных его особенностей и выходит за рамки лингвистического анализа. По своей семантике суждения, содержащие оценку, предполагают сложное взаимодействие субъективного (оценочного) и объективного (дескриптивного) факторов. Субъективный момент оценки проявляется уже в том, что оценка даётся на основе выбора одного из признаков, являющегося характерным для сравниваемых объектов. Объективность проявляется в ориентации на определённую шкалу и стереотипы [12, с. 23, 70].

Таким образом, если субъект оценки оценивает явление или предмет по их свойствам, то мы говорим об объективности субъекта оценки, а если он высказывает личное мнение, не учитывая конкретных свойств предмета или явления, то речь идет о субъективности.

Современные ученые-лингвисты придерживаются мнения, что содержание оценки и способ ее выражения зависят от того, какая функциональная разновидность присуща данному тексту. Например,

основным стилеобразующим фактором оценочность является для публицистических материалов, где она, по мнению ученых, «проявляется в отборе и классификации фактов и явлений действительности, в их описании под определенным углом зрения, в специфических лингвистических средствах» [14, с. 31]. Оценка, как мы уже говорили, может быть связана с национальной картиной мира, присущей языковой личности, которая коррелируется с определенным социумом и определенной эпохой. Расшифровка таких оценочных высказываний требует от воспринимающего это высказывание определенного набора культурологических знаний. Человек как носитель определенного внутреннего содержания «измеряется» по иным «законам»: пространственные предикаты фиксируют соответствие (или несоответствие) психологических качеств, состояний, действий или внутреннего содержания личности в целом — вкусам, нормам, нравственным идеалам, практическим интересам человека, его представлениям о полезности и функциональности. Предикаты, пространственно характеризующие внутреннего человека, развивают разнообразные аксиологические значения. Эти предикаты фиксируют в языке и выражают также собственно психологические оценочные значения, относящиеся к так называемым сенсорным оценкам, которые, как отмечает Н. Д. Арутюнова, характеризуют в большей мере вкусы, а также чувственный, психический опыт субъекта оценки, чем ее объект.

Особенности объекта в структуре оценки позволяют выявить различие классификации и оценки: с помощью оценки мы выделяем объект из класса похожих, указывая его отличительные свойства, а классификация помогает нам определить объект в состав класса. Именно наличие класса однородных объектов предполагает выведение оценки. Важным требованием к предмету для осуществления его оценки является выполнение им какой-либо функции. Процесс оценки возможен только тогда, когда предмет функционально

значим и называются признаки, по которым выносятся оценочное суждение [16, с.47]. Смысловая связь слов, выражающих оценку, и указаний на ее объект осуществляется на базе аспекта оценки, называющего признаки оценивания объекта. Так, для шкалы «умный/глупый» аспектом будет концепт «ум». В высказываниях об оценке часто используются мотивировки, которые выражают критерии оценки, т.е. свойства, по которым судят о других свойствах объекта. Если в высказывании не указан аспект, то в мотивировках могут содержаться слова, показывающие, по каким аспектам дается оценка.

Субъект и объект соединяются специальными аксиологическими предикатами мнения, ощущения, восприятия, мотивировками, классификаторами, различными средствами интенсификации и деинтенсификации, которые, однако, не всегда присутствуют в высказывании.

Аксиологические предикаты — это класс предикатов, которые входят в структуру оценки, объединяя её субъект и объект (например, предикаты *считать, полагать, казаться, чувствовать (себя)* и их свёрнутые аналоги *помоему* и т.п.). Классификатор — особый класс оценочных выражений, указывающий на аспект оценки. Классификаторы человека по его поступкам: действие, шаг, поступок, жест; психологическим характеристикам: намерение, характер, способность, личность; внешним и внутренним проявлениям: вид, внешность, состояние, настроение, поведение, отношение, чувствоощущение [10, сс. 97, 150].

В языке движение по оценочной шкале отражается при помощи средств интенсификации и деинтенсификации. Причем усиление признака «хорошо» или признака «плохо» (интенсификация) и ослабление признака «хорошо» или признака «плохо» (деинтенсификация) возможны как в зоне положительного, так и в зоне отрицательного. Средства интенсификации и

деинтенсификации оценочных значений в русском языке чрезвычайно разнообразны. Е.М. Вольф указывает, что интенсификация может быть выражена в семантике слов: *глупый* — *безмозглый*; *любить* - *обожать*, а также обозначаться аффиксами (например, у прилагательных в превосходной степени): *Он умнейший человек*. Как интенсификаторы используются устойчивые выражения *ненавидеть всей душой*, *глуп как пробка* и т. д. В ряде случаев интенсификация пользуется средствами гиперболы: *Она была в полном отчаянии* и т.д. [11, сс. 45 - 46]. В.Г. Гак отмечает два способа интенсификации: качеством и количеством. Качественная интенсификация заключается в выборе более сильного слова из ряда синонимов, количественная – в повторении слова, имеющего эмоционально-оценочное значение. Нередко оба приема используются совместно. Помимо интенсификации, возможна также деинтенсификация оценки: *Он немного глуповат* и пр. [10, с. 46].

Ряд исследователей [Близнюк, Сергиенко 2001; Егорова 2004] также справедливо указывает, что для корректной интерпретации оценки нужно учитывать весь комплекс лингвистических и экстралингвистических характеристик оценочного суждения. Экстралингвистические факторы оценки представлены всей коммуникативной ситуацией, характеризующейся такими признаками, как время, место действия, число коммуникантов, их взаимоотношения, интересы, мировоззрение, ощущения, социальные и психологические особенности, а также коммуникативные правила речевого поведения.

Для того чтобы расположить оценочное суждение на шкале, необходимо соотнести оценочный результат со стандартными представлениями об объекте. Следовательно, нормы, стандарт, эталонные представления являются точкой отсчета оценочной шкалы и обуславливают ее асимметричность: положительным считается то, что соответствует норме,

отрицательным - то, что ей не соответствует. Норма представляет своеобразный социальный, интеллектуальный, моральный «эталон», относительно которого осуществляется акт оценки. В речи индивида норма как критерий оценки делается частью субъективной системы ценностей.

Выводы по главе 1

Оценка является важным аспектом деятельности человека, это способ взаимодействия человека с окружающим миром.

Оценка - мыслительный акт, при котором объектом устанавливается отношение к объекту.

Исследованию оценки посвящены работы многих ученых, лингвисты изучали выражение оценочности на всех языковых уровнях, функционирование оценочных средств в речи, выявляли зависимость типа оценки и языковых способов ее от ситуации общения и т.д. Однако до сих пор категория оценки представляет интерес для лингвистов.

Оценка содержится в языке как высказывание говорящего, закрепленное в форме какого-либо отношения субъекта к объекту речи.

Оценка какому-либо факту или событию связана с выражением эмоционального отношения говорящего.

Определение типов оценки является одной из главных проблем ее изучения. В лингвистике представлено множество классификаций, базирующихся на различных критериях. Например, Е.М.Вольф выделяет рациональные и эмоциональные оценки. По содержанию различают положительную (мелиоративную) и отрицательную (пейоративную) оценку.

С точки зрения количества объектов оценки выделяют абсолютную и относительную оценки. Также говорят о самооценке (когда объект и субъект оценки совпадают).

с позиции выражения при помощи специализированных языковых средств оценка делится на эксплицитную и имплицитную.

Глава 2. Средства создания оценочности и объекты оценки в письмах А.С.Пушкина

2.1. Языковые средств создания оценочности в эпистолярном дискурсе А.С.Пушкина

В письмах Пушкина заключено и меньше и больше того, что дает нам его поэзия: в них нет свойственного искусству художественного обобщения и преобразования, но есть непосредственность мироощущения, ставящая читателя «лицом к лицу» с мыслью, чувством, настроением великого поэта. Письма поэта позволяют шаг за шагом пройти с ним его жизненный путь — от юношеской поры «буйства молодого» до последних месяцев и дней его жизни.

По своему содержанию письма Пушкина многообразны, они говорят о чертах характера поэта, круге его интересов, взаимоотношениях с окружающими людьми.

Большое значение письма автора играют как первоисточник для изучения его биографии, для ознакомления с его бытом, образом мыслей, с литературной борьбой, в которой он участвовал. В письмах отчетливо видны некие общие, постоянные черты его живого, открытого, увлекающегося, доверчивого характера, его деятельного и ясного ума. Вместе с тем в письмах отражен жизненный путь поэта, изменения в его судьбе, взглядах, душевной настроенности.

Письма первого, петербургского, периода (1815 — май 1820 г.) воссоздают круг юношеских интересов Пушкина — политическое вольнолюбие, увлеченность поэзией, войну с литературными староверами. Лицейские письма к В. А. Жуковскому, П. А. Вяземскому написаны в свободном и вместе с тем почтительном тоне — юноша Пушкин ценит

приянь уважаемых им писателей старшего поколения. Из петербургских писем послелицейских лет наиболее важны письма к П. А. Вяземскому (с которым у Пушкина установились отношения дружеского равноправия), А. И. Тургеневу, П. Б. Мансурову. По ним видно, насколько поэт был общителен, нуждался в общественной среде, жил ее интересами, соответственно строил свой образ жизни.

В период ссылки (май 1820 — сентябрь 1826) переписка заняла в жизни Пушкина особенно большое место; она стала наряду с его художественными произведениями и критическими выступлениями формой участия в общественной и литературной борьбе, а также единственным способом общения с отсутствующими друзьями. Письма периода ссылки исключительны по своей насыщенности разнообразным содержанием — бытовым, политическим, эмоциональным, творческим. Среди корреспондентов Пушкина — Жуковский, Гнедич, Вяземский, Бестужев, Рылеев.

В письмах А.С.Пушкина присутствуют самые разнообразные эмоции: любовь, удовольствие, радость, нежность, симпатия, негодование, холод и другие. В каждом письме — живая, всеохватная, творческая душа поэта. И в очень высокой степени она проявляется в пушкинских обращениях.

По отношению к родителям — почтение, уважение:

«- Дорогие родители, я получил ещё два ваших письма. Могу вам сказать лишь то, что вы уже знаете: что всё улажено, что я счастливейший из людей и что я всей душой люблю вас».

«- Я тоже вас обнимаю, дорогие родители».

В многочисленных письмах друзьям , брату Льву проявляются подлинная любовь, внимание, забота, особенно сильная любовь и дружба чувствуется по отношению к лицейским друзьям: А.Дельвигу, В.Кюхельбекеру, В.Вольховскому и другим:

«- Обращаюсь к тебе, почтенный мой Владимир Дмитриевич, с дружеской и покорнейшей просьбою». (к В.Вольховскому)

«- Ты видишь, мой милый, что я с тобою откровенен по-прежнему». (к В.Кюхельбекеру)

П.А.Вяземскому:

«-Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедией, в ней же первая персона Борис Годунов».

«- Ангел мой Вяземский или пряник мой Вяземский, получил я письмо твоей жены и твою приписку, обоих вас благодарю и еду к вам и не доеду».

Брату Льву:

«- Благоразумный Левинька! Благодарю за письмо – жалею, что прочие не дошли».

-« Прощай, душа моя, - у меня хандра- и это письмо не развеселило меня».

Особым чувством, теплотой проникнуты письма к жене – Наталье Николаевне. Даже если чем-то поэт и недоволен, то он находит самые нужные, точные, ободряющие слова, а после нарочито грубоватых слов (такое встречается) – непременно следует обращение **«мой ангел»** или **«мой милый друг»**.

«-Распечатываю письмо моё, **мой милый друг**, чтоб отвечать на твоё».

«-Поздравляю тебя с днём твоего ангела, **мой ангел**, целую тебя заочно в очи – и пишу тебе продолжение моих походов».

Важнейшей особенностью эпистолярного дискурса А.С.Пушкина и вообще «разговорно-интеллигентского языка» начала XIX в. является намеренное использование сниженных языковых элементов. Так, в ласково-шутливом письме П.А.Плетнёву поэт употребляет слово прощальга в значении «пройдоха, плут» [36: т.3, 867], называя так своих московских друзей, которым собирается сделать подарок: «Пришли мне, мой милый, экземпляров 20 Бориса, для московских прощальг...» (№563). И тут, как и во многих других случаях, проявляется характерная черта лексики писем поэта – замена пейоративной оценочности стилистически сниженных слов на мелиоративную, с шутливой, а иногда и с шутливо-фамильярной окраской.

Слово «прощальга» существовало ещё в XVIII в. Первую фиксацию слова можно найти в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года с пометой «простонародное» и значением «хитрый, плутоватый человек, пройдоха». В «Словаре современного русского литературного языка» в 17 томах [54: т.9, 1563] слово имеет помету «просторечное».

Отметим случаи, когда в контексте письма значение просторечного слова расширяется, у слова появляется определенная двуплановость: «...Крылов преоригинальная туша...» (№ 223, П.А.Вяземскому). Словарь языка Пушкина даёт такое значение слову туша: «об огромном, тучном человеке» [51: т.4, 604]. С одной стороны, И.А.Крылов действительно был полным человеком, с другой, А.С.Пушкин, вероятно, имеет в виду значение творчества И.А.Крылова. Первую лексикографическую фиксацию слова в

рассматриваемом значении находим в Словаре Владимира Даля («Экая туша валит» о человеке. Огромный, тучный) [47: т.4, 457]. В ССРЛЯ-17 [54: т.15, 1175] туша «о большом, тучном человеке» имеет помету «простореч.», в «Словаре русского языка» [53: т.4, 430]—«разг. пренебр.». Вторая помета напрямую указывает на то, что в современном русском языке слово оценивается как пейоративное. Однако благодаря новым семам в значении слова, туша в эпистолярном дискурсе А.С.Пушкина употребляется шутливо и оценивается как мелиоративное, при этом выражается эмоция восхищения.

«Пушкинский язык избегает всего того, что непонятно и неизвестно в общем литературно-бытовом обиходе той эпохи. Он не стремится к экзотике областных выражений», - писал В.В.Виноградов. Но изредка поэт *использует диалектную лексику*. Яркое, образное областное слово призвано подчеркнуть «иллюзию общения» и непринуждённость дружеской и интимной атмосферы, вызвать улыбку читающего письмо. Так, в письме жене поэт употребляет слово маймист: «Ем я печёный картофель, как маймист...»(№1093). Слово маймист со значением «прозвище чухон» находим в Словаре Даля. В «Словаре русских народных говоров» оно дано в значении «прозвище финна» и зафиксировано в архангельских говорах прошлого (1878 г). Однако Словарь языка Пушкина предлагает другую версию происхождения и значения слова: от *maamies* – селянин [51: т.2, 532].

Использование окказионализмов

В письме жене поэт использует слово подуруша: «Вижу отселе твою недоверчивую улыбку, ты думаешь, что я подуруша, и что меня опять оплетут – увидим» (№1000). Среди возможных мотивирующих основ образования подуруша – основа диалектного слова подурь. Его фиксирует Словарь Даля со значением «дурь, шаль; упрямство» (пск.) [т

.3, 218-219]. В этом же словаре зафиксирована и лексема подурчивый «взбалмочный; своенравный» (пен). У А.С. Пушкина мотивирующее слово связано с окказиональным только по форме. Образование подуруша имеет значение: «недалёкий, излишне доверчивый человек, которого легко оплести, одурачить» [51: т.3, 452]. Можно выделить единственную общую смысловую сему окказионализма подуруша и диалектного подурушка – «доверчивый человек», поэтому считаем всё же значение слова, употреблённого в письме А.С. Пушкина, окказиональным. Лексические окказионализмы имеют яркую эмотивную оценку. Рассмотренный окказионализм создаёт нежный, личный и шутливо-ласковый тон разговора с женой. На оценочно-эмотивный компонент значения влияет суффикс -уш, образования с которым и в современном русском языке обычно имеют оттенок ласкательности [14: 87].

Окказионализмы часто являются ключевыми словами для выражения отношения поэта к высказываемому и к личности адресата. В письмах жене окказионализмы чаще всего имеют мелиоративную оценку, сопровождаются эмоциями любви, нежности и ласково-шутливой экспрессией. Но бывают случаи использования окказионализмов с отрицательной оценкой в письмах Н. Н. Пушкиной. Так, окказионализм камер-пажиха имеет негативную оценку, сопровождается эмоциями неодобрения, пренебрежения и ироничной экспрессией: «Ты могла и должна была сделать ей <княгине Голицыной >визит, потому что она штатс-дама, а ты камер-пажиха...» (№ 925). В 1833 г. поэт получил чин камер-юнкера; чин, который давали очень молодым людям, оскорбил поэта – ему ведь было за 30. Эмотивно-

экспрессивный оттенок окказионализма создаётся при помощи суффикса -их. В современном русском литературном языке слова, созданные сего помощью, обозначают среди прочих «жену лица, названного мотивирующим словом». Многие из слов с суффиксом -их негативны с точки зрения оценки и сопровождаются эмоцией пренебрежения (ср.: купчиха, полковничиха и др.).

Журналищик - «пренебрежительно об издателе журналов» [51, т. 1, с. 805] используется в однородном ряду со словами **альманажник** и **литературщик**: *«Из этого вижу для себя большую пользу: освобождение от альманажников, журналищikov и прочих щепетильных литературищikov»* (№ 302, С.А. Соболевскому, 1 дек. 1826 г. Псков). Слово **журналищик** создано по аналогии со словом **литературщик** при помощи продуктивного в современном русском языке словообразовательного суффикса -щик.

Окказионализм «кюхельбекерно» образован непосредственно от фамилии «Кюхельбекер» при помощи суффикса -но. Согласно наблюдениям Л. К. Филиппова, «окказионализм *кюхельбекерно* Пушкиным впервые был употреблен в эпиграмме, датируемой 1818 г.: «За ужином объелся я, / А Яков запер дверь оплошно - / Так было мне, мои друзья, / И *кюхельбекерно* и тошно». Издатель этой эпиграммы опубликовал ее со следующим пояснением: «Однажды Жуковский куда-то был зван не вечер и не явился. Когда его после спросили, отчего он не был, Жуковский отвечал: «Я еще накануне расстроил себе желудок, к тому же пришел Кюхельбекер; я остался дома». Отсюда можно сделать вывод, что окказионализм схож по семантике с наречием и означает «тоскливо».

Обратимся к примерам использования данного окказионализма в письмах А. С. Пушкина:

«Прощай, душа моя! Если увидимся, то-то зацелую, заговорю и зачитаю. Я ведь писал, что *кюхельбекерно* мне на чужой стороне. А где Кюхельбекер?» (Л. С. Пушкину от 30 января 1823 г.). В данном письме А. С. Пушкин сам подсказывает нам «этимологию» рассматриваемого окказионализма.

«Отче, в руке твои предаю дух мой. Мне право совестно, что жилы мои так всех вас беспокоят – операция аневризма ничего не значит, и ей-богу первый псковский коновал с ними бы мог управиться. Во Псков поеду не прежде как в глубокую осень, оттуда буду тебе писать, моя душа. – На днях виделся я у Пещурова с каким-то доктором-аматером: он пуще успокоил меня – только здесь (в Михайловском) мне *кюхельбекерно*; согласен, что жизнь сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегией в роде Коншина» (В. А. Жуковскому от 17 августа 1825 г.).

Судя по всему, *кюхельбекерно* в данных контекстах означает «одинокое, тоскливо, скучно». Именно о таком состоянии души А. С. Пушкин не раз писал из ссылки своим друзьям.

Использование фразеологизмов

В значениях процессуальных ФЕ, употребляемых А.С.Пушкиным, отмечается наличие эмоциональных и экспрессивных сем только «отрицательной оценки»: **"ироничность"** (**не метать бисер (-у) перед свиньями, ждать у моря погоды, переливать из пустого в порожнее, плясать по (чьей-либо) дудке, приказать долго жить, сесть на мель, шутки шутить**), **"презрение"** (**марать руки (кому)**), **"предосуждение"** (**портить/ испортить кровь (кому)**), **"фамильярность"** (**тряхнуть стариной**). Очевидно, что дополнительные отрицательные оттенки в значении ФЕ подчеркивают авторское отношение к предмету речи и задают

эмоционально-экспрессивное содержание текста, в котором отражается психологическая установка автора. Обратимся к письмам А.С.Пушкина.

«А они [Булгарин, Воейков], глупо ругай или глупо хвали меня – мне все равно – их **ни в грош не ставлю**, а публику почитаю наравне с книгопродавцами – пусть покупают и врут, что хотят».

Л.С.Пушкину, 1 апреля 1826г. Из Одессы в СП.

В данном примере в значении фразеологизма **ни в грош не ставлю**– "не считаться с кем-либо, чем-либо, относиться с пренебрежением" содержится значение пренебрежения, которое в тексте письма передает авторское отношение к описываемому явлению.

Модальные фразеологизмы выражают отношение сообщаемого к его реальному осуществлению, которое определяется автором. Выражаемое отношение может содержать в себе: 1) экспрессивную реакцию на сообщение; 2) характеристику сообщаемого с точки зрения его связей и отношений достоверности или недостоверности; 3) характеристику протекания во времени; 4) отнесение сообщения к его источнику.

Особенность модальных ФЕ заключается в том, что большинство фразеологизмов данного разряда экспрессивны в употреблении А.С.Пушкина: **дай бы (кому), господи помилуй, бог (Христос) с тобой (с ней, с ним, с вами, с ними), ни дна ни покрышки, ради бога, слава богу, ради Христа (Христа ради), черт знает, черт меня (тебя, его, их) возьми (побери), черт с ним (-И), черта с два** и др. Они служат для выражения авторского отношения к предмету речи, для выделения какой-либо части сообщаемого, создают эмоциональную тональность эпистолярного текста. Такое преобладание эмоционально-окрашенных ФЕ является

доказательством чрезвычайной экспрессивности, эмоциональности идиостиля А.С.Пушкина.

Обратимся к текстам писем А.С.Пушкина:

«**Ради Христа**, вычти из остальных денег, что тебе следует, да пришли сюда».

П.А.Вяземскому, 8 марта 1828г. Из Одессы в М.

Значение фразеологизма **ради Христа** – "выражение усиленной просьбы" – содержит дифференциальную сему "высокая степень", которая в контексте служит для выражения зачистности сообщаемого для автора. Важность сообщаемой информации передается и на синтаксическом уровне, поскольку высказывание начинается фразеологизмом, чем подчеркивается значимость данной ФЕ для автора.

Фразеологические частицы по характеру своего значения – прагматические единицы: они выражают разнообразные субъективно-модальные характеристики и оценки сообщаемого (уверенности - неуверенности, указания, подчеркивания), вносят своим значением какой-то новый семантический элемент в значение слова, перед которым они стоят. Фразеологических частиц в пушкинском эпистолярии немного (5 ФЕ): **ни дать ни взять** – «точно», **во всяком случае** – «хоть», **на всякий случай** – «все – таки», **на всякий страх** – «все – таки», **по крайней мере** – «даже». Наиболее ярким в эмоциональном плане нам представляется использование А.С.Пушкиным ФЕ **ни дать ни взять**:

«А надобно тебе сказать, что M-lle Rojarsky **ни дать ни взять** M-me George, только немного постарее».

Н.Н.Пушкиной, 21 августа 1833г. Из Павловского в СП.

Употребление данного фразеологизма дает возможность автору через создание ироничности подчеркнуть свое отношение к сообщаемому, дать точную характеристику тому, о чем идет речь в тексте письма.

В отличие от имен существительных, которые могут называть конкретные предметы, обозначать конкретные факты, события, явления действительности, предметные фразеологизмы обозначают понятие – о лице, предмете неживой природы, о пространстве, времени и др. – как очень широкое по объему. Так, ФЕ **всякая всячина**, обладая значением "самые разнородные предметы, вещи", может обозначать абсолютно любой неодушевленный предмет. К тому же, они характеризуются наличием эмоционально-экспрессивных и коннотативных сем. Так, **красная девица** - «слишком робкий, застенчивый человек», не только называет лицо мужского пола, но и характеризует его. Все сказанное находит отражение в письмах А.С.Пушкина:

«Жду от тебя писем порядочных, где бы я слышал тебя и твой голос – а не брань, мной вовсе незаслуженную, ибо я веду себя как **красная девица**».

Н.Н.Пушкиной, 2 октября 1835г. Из Мих. в СП.

В отличие от числительных, количественные ФЕ не называют конкретное число, а лишь обозначают какое-либо неопределенное количество: **ни капли** - «совсем нисколько», **с три короба** - «очень много». Кроме того, они характеризуются наличием яркой экспрессивной окраски, создающей в тексте писем эмоциональную тональность, например:

«В Москве говорят, что я получаю 10000 жалования, но я покамест не вижу **ни полушки**».

П.В.Нащокину, 7 октября 1831г. Из ЦС в СП.

«Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: <...> степь да степь; <...> ездят верхом **сколько душе угодно**».

П.А.Плетневу, 9 сентября 1830. Из Болдина в СП.

Синонимические конструкции

Ряд слов связан с семами «тот, кто говорит много вздора, болтун»: **болтун, пустомеля, враль, сорока, попугай.**

Из этого ряда общим значением в ЭД А.С. Пушкина обладает слово **болтун**. В СЛЯП [51, т. 1, с. 158] не дано его толкования. Мы предполагаем, что это слово имеет значение, близкое к современному «человек, любящий много говорить и говорящий лишнее; пустомеля» [54, т. 1, с. 555]: «...но кабы ты не был **болтун** и не напивался бы с французскими актёрами у Яра, вероятно ты мог бы уж быть на Висле» (№ 587, Л.С. Пушкину, 6 апр. 1831 г. Москва). Объект оценки - Л.С. Пушкин, которому поэт выхлопотал перевод в Финляндский драгунский полк, находившийся в Польше.

Негативная оценка в данном случае, предположительно, связана с наличием культурного влияния в составе семантики, так как ментальности русского человека присуще отрицательное отношение к болтливости. Слово **болтун** зафиксировано ещё в СлРЯ XI — XVII вв. и имеет значение «болтливый человек».

Сходными коннотациями в ЭД поэта обладает слово **пустомеля**. Можно предположить, что оно является близким к зафиксированному в СД «болтун, неосновательный, опрометчивый на язык, на речи, ненадёжный» [СД, т. 3, с. 562]: «...*вот чем тебя рассержу: князь Шихматов, несмотря на твой разбор и смотря на твой разбор*<речь идёт о поэме С.А. Ширинского-Шихматова «Пётр Великий», разбору которой В.К. Кюхельбекер посвятил статью>, *бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля ...ай, ай, больше не буду! не бей меня*» (№ 231, В.К. Кюхельбекеру, 1 — 6 дек.

1825 г. Михайловское). Нужно отметить, что в данном случае это слово обозначает еще и «поэт, пишущий большое количество произведений, но всё неталантливое и пустое». Несмотря на определенную долю шутливости в письме, оценка обладает отрицательными коннотациями и выражает эмоции пренебрежения, неодобрения.

Продолжает этот синонимический ряд в ЭД А.С. Пушкина слово **враль**: «*Телеграф человек порядочный и честный - но враль и невежда...*» (№ 181, ПА.Вяземскому, нач. июля 1825 г. Михайловское). Под *телеграфом* в письме подразумевается издатель журнала «Московский Телеграф» Н.А. Полевой. В СЛЯП [51, т. 1, с. 381] **враль** имеет значение «пустослов, болтун», однако нам представляется, что здесь **враль** — «тот, кто пишет пустое». Вот этот **враль** и вызывает у А.С. Пушкина самую резкую негативную оценку и эмоцию презрения.

В письмах есть и зооморфизмы, толкования которых близки по значению слову **болтун,- попугай** «о человеке, повторяющем чужие мысли, твердящем одно и то же» [51, т. 3, с. 549], **сорока** «о шумном болтливом человеке» [51, т. 4, с. 291]: «*Любопытно будет видеть отзыв наших Шлегелей, из коих один Катенин знает своё дело. Прочие **попугаи** или **сороки** Инзовские, которые картавят одну im натверженную<>.*» (№ 560, П.А. Плетнёву, 7 янв. 1831 г. Москва). По воспоминаниям Ф.Ф. Вигеля, у И.Н. Инзова был птичий двор с множеством канареек и других птиц. Среди них была сорока, которую А.С. Пушкин научил многим неблагопристойным словам [31, с. 155]. В письме А.С. Пушкина слова **попугай, сорока** относятся к неталантливым критикам, много говорящим, но на самом деле повторяющим чужие мысли, связаны с пейоративной оценкой и эмоцией пренебрежения.

2 синонимический ряд связан со словом «свинья»

Слово **свинья** употребляется в ЭД А.С. Пушкина в двух переносных значениях. Первое значение этого зооморфизма представлено в СЛЯП [51, т. 4, с. 55] «бранно о том, кто поступает низко, непорядочно, недобросовестно». Толкование лексемы указывает на то, что слово оценивается поэтом как пейоративное, сопровождается отрицательными эмоциями и наделено семантикой «бранности». В некоторых письмах употребление слова **свинья** связано с пейоративной оценкой. Встречаем **свинья** в рассматриваемом значении с пейоративной эмотивной оценкой в письмах Н.Н. Пушкиной. Так ей, ещё невесте, поэт пишет: *«И эти свиньи губернаторы не дают этого знать?»* (№ 537, 18 нояб. 1830г. Болдино). Фраза является составляющей диалога со зрителем, задержавшим А.С.Пушкина по дороге в Москву. Этот диалог, написанный по-русски, включён в письмо, написанное на французском языке. То есть здесь представлен двойной коммуникативный акт. С одной стороны, адресатом устной речи является зритель, с другой (в ЭД) - любимая женщина (которой поэт считал необходимым передать этот разговор). Мотивировка пейоративной оценки и выражаемой эмоции негодования таковы: многие дороги были перекрыты из-за бушевавшей эпидемии холеры, но губернаторы не сообщали, по каким именно трактам нет возможности проехать. Это и возмутило поэта. А двойной адресат является своеобразным интенсификатором выражаемой эмотивной оценки.

В письме Н.Н. Пушкиной, уже жене, находим употребление слова **свинья** в пословице было бы корыто, а **свиньи** будут. Безусловно, под словом **свиньи** и тут имеются в виду непорядочные люди; *«...легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников, стоит разгласить, что-де я большая охотница! Вот и вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будут»* (№854, Н.Н. Пушкиной 30 окт. 1833 г. Болдино). Слово **свинья** здесь выражает одновременно эмоции презрения, раздражения по отношению к объекту оценки (шаромыжникам) и ревности по отношению к адресату

письма—жене. Мотив «коккетства» является здесь причиной пейоративной оценки, сопутствующих эмоций и резкого саркастического тона письма.

Несколько меняется эмотивно-оценочный компонент семантики слова **свинья** в письме П.В. Нащокину. Здесь уже не чувствуется сарказма, а, скорее, ироничность, оценка несколько смягчается, однако пока остаётся негативной: *«Дедушка **свинья**; он выдаёт свою третью наложницу замуж: с 10000 приданого, а не может заплатить мне моих 12000 »* (№694, П.В. Нащокину, 22 окт. 1831 г. Петербург). Известно, насколько болезненной была для поэта тема денег. Словом **свинья** А.С.Пушкин показывает свое негодование.

В письмах А.С.Пушкина мы можем найти ряд слов, которые могут быть рассмотрены как синонимы к слову «свинья». Это лексемы подлец, мерзавец, дрянь.

Слово подлец употребляется 5 раз. СЛЯП толкует его так: «низкий, бесчестный человек: лицо, низко угодничающее, раболепствующее перед кем, чем-н.».

В трёх случаях слово действительно имеет негативную оценку. «Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает», - пишет поэт в письме № 175 (А.А. Бестужеву, кон. мая - нач. июня 1825 г. Михайловское). Лексема «мы» указывает на коллективного субъекта оценки — поэт хотел подчеркнуть, что подобная оценка не субъективна. Известно, что поэт отрицательно относился к двуличному и неискреннему новороссийскому генерал-губернатору, знаком этого отношения и является в письме пейоративная оценка слова подлец, сочетаемая с эмоцией презрения.

Подлецами в другом письме названы люди из «толпы»: «Мы знаем Байрона довольно. <...> Толпа жадно читает исповеди, записки <...>. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врёте, подлецы: он мал и мерзок — не так, как вы — иначе» (№ 227, П.А. Вяземскому, втор. пол. нояб. 1825 г. Михайловское).

«Коротенькое письмо твоё огорчило меня <...>. Кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ах, милый... слышишь обвинение, не слыша оправдания...» (№ 272, П.А. Вяземскому, 10 июля 1826 г. Михайловское). Синонимом слову подлец здесь становится сорванец, которое в СЛЯП [Т. 4, с. 290] имеет значение «наглый повеса, забияка». Эти слова являются упрёком Вяземскому за невольное оскорбление декабристов, в среде которых были популярны эпиграммы на Карамзина Оценка, выражаемая субъектом оценки (П.А. Вяземским), - пейоративна, сопровождается презрением и порицанием. Во вторичной номинации А.С. Пушкина выражается несогласие, огорчение и упрёк субъекту оценки.

Слово мерзавец не толкуется в СЛЯП [51, т. 2, с. 562]. Мы считаем, что в письме №1130, С.С. Хлюстину слово имеет традиционную, связанную с лексическим значением («человек по причине гнусных дел отвратительный»), пейоративную оценку. Если конкретизировать семантику слова в этом письме, то мерзавец — здесь «безнравственный, мерзкий издатель, думающий только о собственной выгоде». Отметим письмо, адресованное А.Н. Вульфу: «...пояснения насчёт вашего петербургского поведения дал я с откровенностью и простодушием, отчего и потекли некоторые слёзы и вырвались некоторые восклицания, как например: какой мерзавец! какая скверная душа! — но я притворился, что их не слышу» (№ 393, 27 окт. 1828 г. Малинники). Здесь субъект речи и субъект оценки не совпадает. Слово используется в передаче чужой речи, которая, по мнению исследователей, принадлежит Е.П. Полторацкой, состоявшей с А.Н. Вульфом в близких отношениях. Первичная оценка — пейоративная, связанная с эмоциями обиды и презрения; вторичная (А.С. Пушкина) - синкретичная, выражаемые эмоции: шутливое согласие, насмешка, желание «поддеть». Нужно отметить, что подобный эмоциональный тон вообще свойственен письмам поэта А.Н. Вульфу.

Соединение книжной и разговорной лексики

Слово **девчонка** употребляется и в значении «девочка», оценка мелиоративна, выражаемая эмоция — любовь, экспрессивный оттенок ласковый, шутливый: «*Она умная **девчонка** <Маша, дочь поэта >, но я от неё пока-месть ума не требую, а требую здоровья*» «...*детки будут **славные**, молодые, весёлые ребята; **мальчишки** станут повесничать, а **девчонки** сентиментальничать; а нам то и любо* (№ 637, П.А. Плетнёву, 22 июля 1831 г. Царское Село).

Вместе с тем высокое слово **дева** «девушка» употребляется всего 2 раза в письмах А.С. Пушкина (№ 10, № 1175). В письме № 10, П.Б. Мансурову (27 окт. 1819 г. Петербург) А.С. Пушкин употребляет слово **дева** «девушка», шутливо называя так выпускницу театрального училища, петербургскую балерину М.М. Крылову, в которую был влюблён Н.В. Всеволожский: «*Каждое утро **крылатая дева** летит на репетицию мимо окон нашего Никиты, по-прежнему поднимаются на неё телескопы*».

Ещё раз слово **дева** встречается также в шутливом контексте письма Н.М. Языкову и имеет аналогичную первому письму семантику - не просто девушка, а лёгкая, изящная, какой была Е.Н. Вульф в прошлом: «*Поклон Вам <...> от Евпраксии Николаевны, некогда **полувоздушной девы**, ныне **дебелой жены**, в пятый раз уже брюхатой*» (№ 1175, Н.М. Языкову, 14 апр. 1836 г., Голубово). Его антонимом является здесь также устаревшее в начале XIX в. слово **жена** «женщина».

Становится ярким эмотивно-оценочным словом и единственный раз употреблённое в ЭД А.С. Пушкина «высокое» слово **жена** в том же письме №1175 (Н.М.Языкову). Указанием на эмотивно-оценочные характеристики может быть и тот факт, что это слово вообще употребляется в разговорном контексте, поскольку оно более характерно для поэтической речи (в

поэтических произведениях поэта, по данным СЛЯП [СЛЯП, т. 1, с. 781], жена «женщина» употребляется нередко - 33 раза).

В контексте дружеских и интимных писем А.С. Пушкина слово **баба** в значении «женщина» приобретает различные эмотивно-оценочные характеристики.

Слово **баба** употребляется в ЭД А.С. Пушкина в двух значениях: «замужняя крестьянка; женщина из простого народа»; «вообще женщина - в разговорно-фамильярной речи» [51, т. 1, с. 56]. Все употребления в первом значении — неоценочны, во втором (все 10 словоупотреблений) — в контекстах писем приобретают различные коннотации.

Мелиоративная оценка слова **баба** в письмах А.С. Пушкина является доминантной (7 словоупотреблений). В двух письмах подобная оценка связана с качествами характера объектов оценки — добротой: «*Сюда приехала княгиня Вера Вяземская, добрая и милая баба*» (№ 88, П.С.Пушкину, 13 июня 1824 г. Одесса); «*Ты баба умная и добрая*» (№ 961, Н.Н. Пушкиной, около 28 июня 1834 г. Петербург). Выражаются эмоции: доброжелательность к В.Ф.Вяземской и любовь, когда объект оценки - любимая женщина.

Интересные смысловые семы обретает слово **баба** в письме № 214, П.А. Вяземскому, 13 и 15 сент. 1825 г. Михайловское: «*Моя Марина <Мнишек> славная баба: настоящая Катерина Орлова!*». Можно говорить о двойном объекте оценке - с одной стороны, героиня трагедии «Борис Годунов» Марина Мнишек, с другой — Е.Н. Орлова, старшая дочь Н.Н. Раевского, жена генерал-майора, декабриста М.Ф. Орлова. А.С. Пушкин восхищался её гордым и властным характером, посвятил ей много стихотворений [Черейский 1981, сс. 99 — 100]. Лексема **баба** в письме П.А. Вяземскому содержит семы «гордая, властная» и оценивается как мелиоративная, связанная с эмоцией восхищения.

Использование суффиксов и приставок со значением субъективной оценки

Можно привести несколько образований существительных, образованных с помощью компонента «полу»: «*Но **полу-милорд** Воронцов, даже не **полу-герой***» (№ 118, В.А. Жуковскому, 29 нояб. 1824 г. Михайловское); «*Каретник мой плут; взял с меня за починку 500руб., а в один месяц карета моя хоть брось. Это мне наука: не иметь дела с **полу-талантами***» (№ 770, Н.Н.Пушкиной, 25 сент. 1832 г. Москва).

Т.В. Попова исследует слова с компонентами полу-/ пол- в эпиграммах А.С. Пушкина и приходит к выводу, что рассматриваемый компонент имеет здесь значение «стремящийся к нулю, равный ему», тогда как общеязыковое его значение «совершение действия наполовину, проявление признака в таком же объёме и под.» [Попова 1999, с. 163]. Значит, **полу-таланты** — люди, не имеющие таланта; **полу-герои** - не герои. Стоит заметить, что подобные слова создаются соединением компонента полу- с семами, имеющими в языке положительную оценку; это придаёт ещё большую ироничную экспрессивность высказыванию.

Использование синтаксических средств

Среди оценочных средств синтаксического уровня особую роль имеют стандартизированные конструкции, оформленные восклицательной (иногда вопросительной) интонацией, характеризующиеся особым порядком слов и наличием частиц.

Такие конструкции могут быть классифицированы с учетом эксплицитных и имплицитных элементов структуры оценочного высказывания.

Первый тип: объект выражен эксплицитно, а оценка – имплицитно. Например: *«Но каков Баратынский? Признайся, что он превзойдет и Парни и Батюшкова - если впредь зашагает, как шагал до сих пор - ведь 23 года счастливцу!»* (письмо А.С.Пушкина П.А. Вяземскому 2 января 1822 года); *«Каков отшельник? он смешит меня до упаду, но не понимаю, как можно жить окруженным такою сволочью»* (письмо А.С.Пушкина Н. Пушкиной 25 сентября 1832 года).

Вопросительные по форме стандартизированные конструкции с элементами каков / какова / какво могут требовать от читателя или слушателя самостоятельного выведения аксиологического итога, если их предваряет описание объекта или фактов, с объектом связанных: *«Смирнова родила благополучно, и вообрази: двоих! Какова бабенка, и каков красноглазый кролик Смирнов?!»* (письмо А.С.Пушкина Н.Пушкиной от 27 июня 1834 года).

В других случаях в рамках узкого контекста может быть дана прямая оценка, занимающая позицию реплики-ответа на формальный вопрос, – говорящий сам объясняет значение стандартизированной конструкции: *«Каков государь? Молодец! того и гляди наших каторжников простит...»* (письмо А.С.Пушкина П. А. Вяземскому, 5 ноября 1830 года); *«Каков Булгарин и вся братья. Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники»* (письмо А.С.Пушкина П. А. Вяземскому, начало апреля 1824 года).

Второй тип предложений стандартизированной структуры помимо эксплицитно выраженного объекта оценки содержит оценочное слово, семантика которого позволяет определить знак оценки: *«Что за прелесть*

здешняя деревня! (письмо А.С.Пушкина П. А. Плетневу 9 сентября 1830 года); «Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма! (письмо А.С.Пушкина Л. С. Пушкину, первая половина ноября 1824 года); «Читал стихи и прозу Кю <хельбекера> – что за чудак!» (письмо А.С.Пушкина Л. С. Пушкину, 4 сентября 1822 года).

Подобный принцип выражения оценки реализуется и в конструкциях третьего типа: «Какая ты умненькая, какая ты миленькая! Какое длинное письмо! Как оно дельно!» (письмо А.С.Пушкина Н. Пушкиной 25 сентября 1832 года); «Как он хорош должен быть под венцом!» (письмо А.С.Пушкина П. А. Плетневу. Около (не позднее) 19 июля 1825 года).

Синтаксическая позиция и особая интонация приводит к изменению знака оценки лексемы хорош. Объект такой оценки, как правило, эксплицитно выражен: «Хороши и те, которые ссорят нас бог ведает какими сплетнями» (письмо А.С.Пушкина Ф. Н. Глинке. 21 ноября 1831 года); «Как же не стыдно было тебе понять хандру мою, как ты ее понял? хорош и Дельви́г, хорош и Жуковский» (письмо А.С.Пушкина П. А. Плетневу 29 сентября 1830 года).

2.2 Объекты выражения оценки в эпистолярном дискурсе А.С.Пушкина

Оценка знакомых женщин:

Имя Венера - римская богиня любви и красоты - с эпитетом медная А.С. Пушкин использует для номинации А.Ф. Закревской в письме П.А. Вяземскому: «Если б не твоя медная Венера, то я бы с тоски умер, но она уморительно смешна и мила» (№ 387, 1 сент. 1828 г. Петербург). Аграфена Фёдоровна Закревская - жена министра внутренних дел, с которой поэт встречался в конце 20-х годов в петербургском свете. Она была предметом увлечения не только А.С. Пушкина, но и П.А. Вяземского, адресата письма.

С одной стороны, Венера развивает тут значение красивая, статная. В этом случае оценка сочетания — положительная, выражаемая эмоция — восхищение. Другая версия возникает из-за языкового ассоциативного фона эпитета медный, который часто в языке связан со значением «дешёвый». Как отмечает Л.А. Черейский, А.Ф. Закревская «была женщина умная, бойкая и имевшая немало приключений...» [40, с. 259], о ней же, по мнению многих исследователей, А.С. Пушкин писал в письме Е.М. Хитрово: «<пер. с фр: ...я больше всего на свете боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств. Да здравствуют гризетки! С ними гораздо проще и удобнее>». В этом случае чувствуется определённый пейоративный компонент в оценке, вместо восхищения — некоторое пренебрежение, хотя и доброжелательное, а на экспрессивный фон накладывается ирония. Медная Венера — «красивая, не соблюдающая норм нравственной этики женщина».

Минервой - богиней древнеримской мифологии, покровительницей ремёсел и искусств, также войны и государственной мудрости — А.С. Пушкиным названа С.С. Киселёва: «...ещё просьба: припиши к Бахчисараю предисловие или послесловие, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы, Софьи Киселёвой» (№ 63, П.А. Вяземскому, 4 нояб. 1823 г. Одесса). А.С. Пушкин был влюблён в С.С. Киселёву, в девичестве Потоцкую, она же рассказала ему преданье о любви хана Керим-Гирея к похищенной княжне Потоцкой. Несколько необычен эпитет похотливая. Нужно отметить, что номинация А.С. Пушкина вторична. Первоначально определение похотливая Минерва дал С.С. Киселёвой П.А. Вяземский в письме А.И. Тургеневу: «Ещё несколько дней погостит с нами Потоцкая с Софьей, которая хороша как Минерва в час похоти» (11 октября 1819 г.). Как и в случае с П.А. Вяземским, чувство А.С. Пушкина к С.С. Киселёвой не встретило ответа. Возможно, именно поэтому в письме к автору номинации П.А. Вяземскому встречаем имя похотливая Минерва «страстная, но

неприступная женщина». Вероятно, оценка синкретична, а в эмотивном фоне чувствуется досада о невозможности обладания нравившейся женщиной, в экспрессии можно отметить иронию.

Ещё один раз в ЭД поэта Минервой называется К.И. Гладкова, двоюродная сестра А.Н. Вульфа. Мотив использования здесь иной: К.И. Гладкова была довольно крупная женщина, какой, по всей видимости, представлялась А.С. Пушкину богиня Минерва: «В Бернове я не застал уже толстозадую Минерву» (№ 419, А.Н. Вульфу, 16 окт. 1829 г. Малинники).

Е.Е. Смирнова, дочь священника, отвергнувшая ухаживания нравившегося ей А.Н. Вульфа, названа Клариссой, по имени добродетельной героини романа Ричардсона «Кларисса Гарлоу»: «Поповна (ваша Кларисса) в Твери», — пишет поэт А.Н. Вульфу (№ 419, 16 окт. 1829 г. Малинники). Об отношении к героине романа Ричардсона А.С. Пушкин пишет в одном из писем Л.С. Пушкину: «...читаю Клариссу, мочи нет какая скучная дура!» (№117, нач. 20-х чисел нояб. 1824 г. Михайловское). Поэтому, вероятно, здесь имеет место пейоративная оценка. Однако эмотивный и экспрессивный фон связан, скорее, с адресатом письма, чем с объектом оценки. А.Н. Вульф был не только другом поэта, но и соперником в любовных увлечениях. Поэтому в письмах А.С. Пушкина к А.Н. Вульфу, когда он пишет о любовных поражениях соперника, чувствуется порой некоторое желание «поддеть» и ирония. Примером тому является и рассматриваемое письмо.

В ЭД А.С. Пушкина именем Гретхен — героиней 1-й части «Фауста» Гете - названа Е.В. Вельяшева, двоюродная сестра А.Н. Вульфа: «Гретхен хорошеет и час от часу делается невиннее» (№419, А.Н. Вульфу, 16 окт. 1829 г. Малинники). Е.В. Вельяшева названа так не за красоту. По воспоминаниям современников, Е.В. Вельяшева была «лицом хотя не красавица, но стройная, увлекательная в каждом движении, прелестная, как непорочность, милая, добродушная, как её лета» [40, с. 186]. Именно ей А.С. Пушкин посвятил

стихотворение «Подъезжая под Ижоры», в котором образ Е.В. Вельяшевой передан сочетаниями «девственная краса», «легкий стан», «движений стройность», «осторожный разговор», «скромная спокойность» [Пушкин 1994 - 1997, т. 2, с. 242]. Поэтому имя Гретхен у А.С. Пушкина связывается с семами «девственная красота и стройность» и имеет мелиоративную оценку. При этом выражается эмоция восхищения.

Слово дева встречается в шутовском контексте письма Н.М. Языкову и имеет семантику - не просто девушка, а лёгкая, изящная, какой была Е.Н. Вульф в прошлом: «Поклон Вам <...> от Евпраксии Николаевны, некогда полувоздушной девы, ныне дебелой жены, в пятый раз уже брюхатой» (№ 1175, 14 апр. 1836 г., Голубово).

Оценка друзей и других поэтов и писателей:

На страницах пушкинских писем 3 раза встречается имя, применённое к С.А. Соболевскому - Калибан: «Что, душа моя Калибан?» (№365, С.А. Соболевскому, втор. пол. февр. 1828 г. Петербург); «Кланяйтесь Калибану» (№ 381, М.П. Погодину, 1 июля 1828 г. Петербург); «А кто виноват? Ты, живот, Калибан, etc» (№354, С.А. Соболевскому, нояб. (после 10) 1827 г. Петербург). А.С. Пушкин ценил незаурядность натуры С.А. Соболевского, его эрудицию, живость характера, хотя и переходившую иногда в бонвиванство и бесцеремонность, остроумие в разговорах и щепетильность в вопросах этики [Пушкинская энциклопедия, с. 530]. Наименование Калибан дополняется во втором письме апеллятивом живот, связанным, с одной стороны, с устаревшим значением слова живот — «богатство, достаток» [40, т. 4, с. 121], с другой, с метонимией просторечного значения слова живот «желудок, кишечник» [САР — 2, ч. 2, с. 416; ССРЛЯ — 17, т. 4, с. 121]. А.С. Пушкин и в других письмах подшучивает над слабостью С.А. Соболевского к хорошему столу и еде. Так, например, в письме № 302, поэт пишет С.А. Соболевскому: «Мне пишут, что ты болен: чем ты объелся?» (1 дек. 1826 г.

Псков). Таким образом, Калибан имеет синкретичную оценку, связанную с эмоциями дружеского расположения, симпатии, шуточного неодобрения.

Брут «имя друга Юлия Цезаря (1 в. до н. э.), участника республиканского заговора против него и одного из его убийц в нариц. употр.» [51, т. 1, с. 183] поэт использует в шутовском обращении к П.А. Вяземскому: «Как ты находишь статью, что написал наш Плетнёв? экая ералашь! Ты спишь, Брут!» (№ 129, 25 янв. 1825 г. Михайловское.) Хотя в контексте письма фраза «Ты спишь, Брут» мотивирована неактивностью «вольнлюбивого» П.А. Вяземского и сопровождается некоторым упрёком, считаем всё же антропоним Брут мелиоративным и связанным с эмоциями дружеского расположения.

Наименование П.А. Вяземского Асмодей встречается 10 раз в письмах (в 9 из них адресат и объект оценки совпадает). СЛЯП [51, т. 1, с. 51] даёт такое пояснение ониму Асмодей: «прозвище П.А. Вяземского в «Арзамасе» по имени демона, адского духа из поэмы В.А. Жуковского «Громобой». В книге «Петербургские встречи Пушкина» отмечается, что П.А. Вяземский получил прозвище Асмодей — одного из самых могущественных и знатных демонов, дьявола вождения, ревности, мести, ненависти и разрушения, потому что сатирическим пером разил «беседу любителей русского слова». Таким образом, можно сказать, что в арзамасском круге Асмодей развивает референтное значение «талантливый остроумный поэт».

В некоторых письмах мелиоративность восхищение в качестве эмотивного компонента интенсифицируются соответствующими контекстами: «Благослови, преосвященный владыко Асмодей» (№ 93, П.А. Вяземскому, 15 июля 1824 г. Одесса); «Не демонствуй, Асмодей» (№ 214, П.А. Вяземскому, 13 и 15 сент. 1825 г. Михайловское); «Новое издание очень

мило — с богом — милый ангел и аггел Асмодей» (№ 63, 4 ноября 1823 г. Одесса).

В уже приведенном нами ранее письме П.А. Вяземскому: дана оценка И.А.Крылова: «...Крылов преоригинальная туша...» (№ 223, около 7 нояб.1825 г. Михайловское). Как уже говорилось, здесь оценка имеет двойной смысл: с одной стороны, И.А. Крылов был полным человеком, с другой, А.С. Пушкин говорит о значении творчества И.А. Крылова.

Лексема прощальга в значении «пройдоха, плут» [51, т. 3, с. 867] употребляется в ласково-шутливом письме П.А. Плетнёву. Так поэт называет своих московских друзей, которым собирается сделать подарок: «Пришли мне, мой милый, экземпляров 20 Бориса, для московских прощальг, не то разорюсь, покупая его у Ширяева» (№563, 13 янв. 1831 г. Москва). Выражаются эмоции расположения и симпатии.

«- Обращаюсь к тебе, почтенный мой Владимир Дмитриевич, с дружеской и покорнейшей просьбою». (к В.Вольховскому)

«- Ты видишь, мой милый, что я с тобою откровенен по-прежнему». (к В.Кюхельбекеру)

В письмах к друзьям видна искренняя заинтересованность Пушкина в их жизни, делах, творчестве, неподдельный интерес к адресату, тонкий юмор, глубокий анализ собственных и чужих произведений.

П.А.Вяземскому:

«-Мой милый, поэзия – твой родной язык».

«-Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедией, в ней же первая персона Борис Годунов».

«- Ангел мой Вяземский или пряник мой Вяземский, получил я письмо твоей жены и твою приписку, обоих вас благодарю и еду к вам и не доеду».

«Твою комиссию исполнил: поцаловал за тебя <П.В. Нащокина> и потом объявил, что Нащокин дурак, дурак Нащокин» (№ 710, Н.Н. Пушкиной, 8 дек. 1831 г. Москва). Субъект оценки и адресат письма совпадают. Средством интенсификации является лексический повтор. Наименование дурак один из любимейших поэтом друг получил за то, что, несмотря на ум, незаурядность, образованность, живое художественное чутьё, П.В. Нащокин был страстным игроком и прожигателем жизни.

«От всего сердца благодарю тебя, милый европеец, за неожиданное послание или посылку» (№78, П.А. Вяземскому, 8 марта 1824 г. Одесса). СЛЯП трактует слово европеец в языке поэта как «о человеке европейской культуры» [51, т. 1, с. 748]. Мы хотим немного уточнить это значение: европеец в ЭД А.С. Пушкина - это «образованный, просвещённый, высококультурный человек». Безусловно, европеец оценивается как мелиоративное, связанное с эмоциями одобрения и восхищения.

в письме к Л.С. Пушкину используется слово перерусский: «Не забудь Фон-Визина писать Фонвизин. Что он нехрист? он русской, из перерусских русской» (№ 115, Л.С. Пушкину, перв. пол. нояб. 1824 г. Михайловское). В СЛЯП [51, т. 3, се. 317 — 318] окказионализм перерусский имеет значение «самый русский». Антонимична окказионализму лексема нехрист, толкование которой в СЛЯП содержит указание на отрицательную оценку: «недоброжелательное обозначение нехристианина, неправославного; басурман». Целью использования лексического окказионализма в письме А.С. Пушкина является усиление внимания к высказываемому и усиление оценки, потому поэт и использует приставку, имеющую усилительное

значение. А.С. Пушкин уважал творчество Фонвизина и вклад этого писателя в развитие русского литературного языка.

Слово Эсхил А.С. Пушкин использует для номинации П.А. Катенина в письме ему же: «Прощай, Эсхил, обнимаю тебя, как поэта и друга» (№36, 19 июля 1822 г. Кишинёв). Пушкин, вероятно, имел в виду, что художественно-стилевые поиски и принципы Катенина ориентированы на достижение эмоциональной силы и торжественной патетики, родственных тем, которые отличали трагедии Эсхила». Поэтому считаем, что слово Эсхил, применённое к П.А. Катенину, реализует референтное значение «талантливый драматург», является мелиоративным и выражает эмоцию восхищения талантом.

Можно встретить примеры самооценки:

«Ты умён, о чём ни заговори, — а я перед тобою дурак дураком» (№ 227, П.А. Вяземскому, втор. пол. нояб. 1825 г. Михайловское). Эту цитату часто приводят различные исследователи в знак того, что Пушкин восхищался умом Вяземского. Поэтому можно сказать, что объектом оценки является в какой-то степени и П.А. Вяземский. Средство интенсификации оценки — лексический повтор.

В письмах слово молодец употребляется 2 раза. В письме № 854, жене (30 окт. 1833 г. Болдино) поэт пишет: «...отпустил я себе бороду; ус да борода — молодцу похвала; выду на улицу дядюшкой зовут». Синкретичная оценка связана с несоответствием значений слов молодец и дядюшка. То, что объект самооценки - молодец, подвергается им же самим сомнению («отрицающая» мелиоративная самооценка: «я (к сожалению) не он»). Поэтому коннотативный фон включает и эмоцию насмешки над собой, и иронию.

В шуточной, ироничной форме объясняя свое долгое молчание, которым была недовольна Н.Н.Пушкина, поэт употребляет в качестве самооценки слово свинья как наименование грязного, неопрятного человека:

«Русской человек в дороге не переодевается и, доехав до места свинья свиньёю, идёт в баню, которая наша вторая мать. Ты разве не крещёная, что всего этого не знаешь?» (№ 773, около (не позднее) 3 окт. 1832 г. Москва). В письме выбран такой способ «утверждающей» самооценки (такая самооценка представлена моделью «я - он»): субъект речи, субъект оценки и объект оценки совпадают, но при этом объект оценки представляет собой обобщённую группу лиц (русский человек), к которой поэт относит и себя.

«Жду от тебя писем порядочных, где бы я слышал тебя и твой голос — а не брань, мною вовсе не заслуженную, ибо я веду себя как красная девица» (№ 1098, Н.Н. Пушкиной, 2 окт. 1835 г. Михайловское). Здесь указывается устойчивый оборот «как красная девица» - «о робком, скромном, застенчивом молодом человеке». Он представлен без помет, но, по всей видимости, имеет сниженный разговорный характер. В семантике слова девица значение пола отходит на второй план, и первостепенными становятся качественные характеристики. Вести себя «как красная девица» - значит «хорошо себя вести». Самооценка по структуре является сравнительной («я делаю как он / она»), мелиоративной, связанной с удовлетворением собственным поведением. Возникает в памяти образ пай-жены. Вероятно, для поэта семейная гармония - это подобное поведение обоих супругов.

«Вижу отселе твою недоверчивую улыбку, ты думаешь, что я подуруша, и что меня опять оплетут - увидим» (№1000, 15 и 17 сент. 1834 г. Болдино). Субъект оценки - Н.Н. Пушкина. Объект — сам поэт.

Также встречаем много оценочной лексики в отношении Н.Н. Пушкиной:

«Обедал у Судиенш <...>. Жена его тихая, скромная не-красавица. <...> Вечер у Нащокина. Да какой вечер! шампанское, лафит, зажжённый пунш с ананасами — и всё за твоё здоровье, красота моя» (№842, Н.Н.Пушкиной, 2

сент. 1833 г.). Здесь средством интенсификации мелиоративной оценки и эмоций восхищения и любви, выражаемых лексемой красота (моя), становится антонимичное ей слово некрасавица, которое, несмотря на положительные характеристики тихая, скромная, здесь реализуется с пейоративной оценкой.

«Жена моя, вот уже и 21-ое, а я от тебя ещё ни строчки не получил» (№ 1093, 21 сент. 1835 г. Михайловское). Здесь и это слово имеет своеобразную оценку, если не пейоративную, то приближается к ней, и выражает эмоцию неодобрения.

Слово спичка в СЛЯП [51, т. 4, с. 315] приводится без толкования его значения. Мы считаем, что в шутовском письме А.С. Пушкина жене слово имеет значение «об очень худом тощем человеке» [54, т. 14, с. 530]: «Вчера приехал Озеров из Берлина с женою в три обхвата. Славная баба; я, смотря на неё, думал о тебе и желал тебе воротиться из Завода такую же тетёхой. Полно тебе быть спичкой» (№ 951, 11 июня 1834 г. Петербург). Адресат письма и объект оценки совпадают. На пейоративную оценку слова спичка указывает сочетание «полно тебе». Однако шутивно-ласковый контекст письма, а также воспоминания современников о великолепном стане Н.Н. Пушкиной, говорят о том, что поэт просто подзадоривает жену. Поэтому оценка синкретична и выражаемая эмоция - шутовское неодобрение.

«Ты баба умная и добрая» (№ 961, Н.Н. Пушкиной, около 28 июня 1834 г. Петербург). Выражаются эмоции: доброжелательность и любовь, когда объект оценки - любимая женщина.

«Охота тебе, женка, соперничать с графиней Саллогуб. Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка» (№ 853, 21 окт. 1833 г. Болдино); «Ты мне кажется, воюешь без меня дома, сменяешь людей, ломаешь кареты, сверяешь счета, доишь кормилицу. Ай да хват баба! Что хорошо, то хорошо» (№ 773,

около (не позднее) 3 окт. 1832 г. Москва). В первом письме слово бой-баба, составляющее однородный ряд со словом красавица, имеет объективную мелиоративную оценку, связанную с семами «красота», «бойкость», во втором — семантика хват-баба включает семы «энергичность», «хваткость в делах».

«Но вы, бабы, не понимаете счастья независимости» (№ 951, Н.Н. Пушкиной, 11 июня 1834 г. Петербург). Бабы - все женщины, в том числе и Н.Н. Пушкина. Поэт был недоволен желанием Н.Н. Пушкиной пристроить сестёр Александру и Екатерину во дворец. Здесь баба является полным синонимом слова дама, где неотъемлемой гендерной характеристикой женщины является её стремление к светскости.

Синтаксическая структура фразы, в которой употребляется рассматриваемое слово, также может указывать на мелиоративную оценку и эмоцию восхищения: «О тебе в свете много спрашивают и ждут очень. Я говорю, что ты уехала плясать в Калугу. Все тебя за то хвалят, и говорят: ай да баба! — а у меня сердце радуется» (№977, Н.Н. Пушкиной, 11 июля 1834 г. Петербург). Здесь баба «своенравная энергичная красавица». Чужая оценка является средством интенсификации собственной оценки.

Оценка своих родственников и родственников жены:

«...но кабы ты не был болтун и не напивался бы с французскими актёрами у Яра, вероятно ты мог бы уж быть на Висле» (№587, Л.С. Пушкину, 6 апр. 1831 г. Москва). Объект оценки – брат поэта, Л.С. Пушкин, которому поэт выхлопотал перевод в Финляндский драгунский полк, находившийся в Польше. Однако Л.С. Пушкин тянул с переводом, не в силах расстаться с веселой московской жизнью. Это обстоятельство и вызывает негодование поэта.

Слово пустельга - «пустой, легкомысленный человек» [51, т. 3, с. 881] употреблено в письме брату: «Анна Николаевна <Вульф> на тебя сердита <...>. Опять сплетни! и ты хорош. Всё-таки она приказала тебя, пустельгу, расцеловать» (№ 117, Л.С. Пушкину, нач. 20-х чисел нояб. 1824 г. Михайловское). Субъектом оценки являются одновременно и А.Н. Вульф, и сам поэт. Объект оценки и адресат совпадают. Синкретичная оценка слова пустельга и выражаемые эмоции доброжелательности и любви к брату, с одной стороны, и недовольства его поведением, с другой стороны, связаны с двойственным отношением поэта ко Льву.

«А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это ещё не беда, мальчик привыкнет к вину и будет молодец, во Льва Сергеевича» (№ 964, Н.Н. Пушкиной, 30 июня 1834 г. Петербург). Дополнительная сема в значении слова молодец — «пьяница». Выражаемая эмоция — пренебрежение.

Вот - «шутливое прозвище Василия Львовича Пушкина по «Арзамасу» [51, т. 1, с. 371] употребляется поэтом в письме как шутливое имя одного из адресатов письма: «Их преосвященствам Василью Львовичу Вот и Петру Андреевичу Асмодею» (№6, П.А. Вяземскому и В.Л. Пушкину, 1 сентября 1817 г. Петербург). Имя Вот (частица, многократно упоминаемая в «Светлане») было придумано самим В.Л. Пушкиным. Василий Львович был старостой «Арзамаса», и имена Вот, Вот я вас и Вот я вас опять были именами почётными.

«Лев был здесь — малой проворный, да жаль, что пьёт» (№ 317, А.А. Дельвигу, 2 марта 1827 г. Москва).

Слово тётка «женщина» употребляется А.С. Пушкиным 3 раза только в письмах [51, т. 4, с. 509] и только к одному адресату - П.А. Плетневу. Во всех случаях имеется в виду женская родня Н.Н. Пушкиной: «Здесь живи; не как хочешь — как тетки хотят. Теща моя та еще тетка» (№ 563, 13 янв. 1831 г. Москва); «<...>с тетками справиться невозможно — требования глупые и

смешные — а делать нечего» (№ 577, около (не позднее) 16 февр. 1831 г. Москва). В семантике слова тётка присутствуют дополнительные семы — «глупая, упрямая». А.С. Пушкин, особенно в первое время после свадьбы, сильно конфликтовал с родными Натальи Николаевны, поэтому и выбор пренебрежительного пейоративного просторечного слова тетка не случаен.

В письмах № 1188 (4 мая 1836 г. Москва), № 1190 (6 мая 1836 г. Москва) Н.Н. Пушкиной писатель иронично называет дамами приехавших к Наталье Николаевне сестер Александру и Екатерину: «Кланяюсь дамам твоим», «Дамам кланяюсь». Значение слова дама здесь - «женщина из привилегированных, культурных слоев общества» [51, т. 1, с. 582]. Ироничность связана с желанием Н.Н. Пушкиной «пристроить» сестёр во дворец и нежеланием этого поэтом.

Девка «девушка» встречается в ЭД А.С. Пушкина 1 раз и приобретает оценочные характеристики: «Он <брат Н.Н. Пушкиной Дмитрий Николаевич Гончаров> как владетельный принц влюбился в графиню Надежду Чернышёву по портрету, услыша, что она девка плотная, чернобровая и румяная» (№ 839, Н.Н. Пушкиной, 26 авг. 1833 г. Павловское). Девкой названа графиня, но в письме поэт шутливо «передает» чужую речь, наблюдается несовпадение субъекта оценки и субъекта речи. Возможно, дополнительная сема — «красивая». Слово девка в контексте письма становится оценочным мелиоративным. Выражаемая эмоция — симпатия.

Отношение к журналистам и издателям журналов:

В письме Н.М. Языкову: «Разговаривая о различных предметах, мы <А.С. Пушкин и А.М. Языков, брат Н.М. Языкова> решили, что весьма не худо было бы мне приняться за альманах или паче за журнал <...>. Сами видите: шелкопёры нас одолевают. Пора, ей-ей пора дать им порядочный отпор» (№ 1003, 26 сент. 1834 г. Болдино). Здесь можно говорить о коллективной оценке, так как исходя из слов адресанта, можно предположить, что адресат

разделяет это оценочное мнение. Оно является пейоративным и уничижительным наименованием плохих издателей журнала. В таком значении слово и закрепилось в современном русском литературном языке.

Негативное отношение к журналистам проявляется и в словах альманашник, литературщик. Эти эмотивно-оценочные слова употребляются в письме № 302, С.А. Соболевскому (1 дек. 1826 г. Псков): «...освобождённый от цензуры, я должен, однако ж, прежде чем что-нибудь напечатать, представить оное выше. <...> Вижу для себя большую пользу: освобождение от альшнашников, журнальщиков и прочих щепетильных литературщиков».

СЛЯП даёт такое толкование этим словам: альманашник - «пренебрежительно об издателе альманаха» [51, т. 1, с. 37]; литературщик — «пренебрежительно о литературном издателе» [51, т. 2, с. 491]. Пейоративная оценка и эмоция пренебрежения с ироничной экспрессией чувствуются во всех контекстах употребления слова А.С. Пушкиным в ЭД: «Я привезу тебе стишков много, но не разглашай этого: а то альманашники заедят меня» (№ 858, Н.Н. Пушкиной, 6 нояб. 1833 г. Болдино); «Сейчас от меня — альманашник. Насилу отговорился от него» (№ 772, Н.Н. Пушкиной, около (не позднее) 30 сент. 1832 г. Москва). Отрицательная коннотация ещё более проявляется в контекстах с прилагательным альманашный. Например: «Нет, вы не захотите марать себе рук альманашной грязью...»(№ 345, М.П. Погодину, 31 авг. 1827 г. Михайловское).

Слово литературщик зафиксировано только в ССРЛЯ — 17 [54, т. 6, с. 264] с пометой «разг., ирон.», в СлРЯ [53, т. 2, с. 188]. Пейоративная оценка этому слову была задана А.С. Пушкиным. Интенсификатором пейоративной оценки в ЭД поэта является прилагательное щепетильный. В 1770 г. М.Д. Чулков издавал сатирический журнал «Парнасский щепетильник», который, может быть и припомнился Пушкину, когда он писал про альманашников, журнальщиков и щепетильных литературщиков, - т. е. мелких литературных

промышленников и торгашей». Литературщик в письме поэта «литературный издатель, думающий только о собственной выгоде».

Голиаф: «...если мой камушек угодил в медный лоб Голиафу Фиглярину, то слава создателю!» (№ 720, А.А. Орлову, 24 нояб. 1831 г. и 9 янв. 1832-г. Петербург). Так здесь назван поэтом Ф.В. Булгарин, литератор, издатель (вместе с Н.И. Гречем) «Северной пчелы» и «Сына Отечества». Голиаф — имя великана, которого, по библейскому преданию, убил камнем из пращи автор и певец псалмов Давид [51, т. 1, с. 502]. Безусловно, А.С. Пушкин, иронично называя Голиафом своего противника, подразумевает под библейским Давидом, убившим Голиафа, себя.

У А.С. Пушкина имя Голиаф включает, по всей видимости, и семы «глупый, невежественный, упрямый». На эти семы указывает сочетание медный лоб, которое имеет в русском языке значение «о бессмысленно-упрямом, бестолковом человеке». Безусловно, имя Голиаф «глупый невежественный человек, думающий, что он великан» у А.С. Пушкина имеет негативную оценку, сопровождается эмоциями пренебрежения и неуважения. Экспрессивный фон ироничный.

Лексема бестия употребляется поэтом в ЭД с пейоративной оценкой и значением «пройдоха, плут» [54, т. 1, с. 435]: «Сенковский такая бестия, а Смирдин такая дура , что с ними связываться невозможно» (№ 1122, П.В. Нащокину, 10-е числа янв. 1836 г. Петербург). Дополнительные контекстуальные семы у слова бестия — «издатель, думающий только о собственной выгоде».

В письме П.В. Нащокину поэт называет душой А.Ф. Смирдина: «Сенковский такая бестия, а Смирдин такая дура — что с ними связываться невозможно» (№ 1122, П.В. Нащокину, 10-е числа янв. 1836 г. Петербург). Мотивировка этого оскорбительного и негативного наименования связана с желанием А.С. Пушкина взяться за издание журнала и нежеланием этого А.Ф.

. Смирдина, книгопродавца и издателя. А.Ф. Смирдину такое положение дел было невыгодно, так как поэт регулярно печатался в его журнале «Библиотека для чтения», и он предлагает А.С. Пушкину 15000 рублей, чтобы поэт отказался от своего предприятия.

Оценка критиков и цензоров:

В одном из писем поэт употребляет слово ослёнок. Нам представляется, что в письме оно используется в значении «тупой, упрямый человек [54, т. 8, с. 1114]: «Ужели залягает меня ослёнок Никитенко, и забодает бык Дундук?» (№1102, П.А.Плетнёву, 23 окт. 1835 г. Петербург). Объект оценки, А.В. Никитенко, был профессором русской словесности Петербургского университета и цензором. А.С. Пушкину приходилось уже обращаться к нему для разрешения второго издания «Повестей Белкина». В цитируемом письме А.С.Пушкин интересуется судьбой своего прошения, поданного в главное управление цензуры, с требованием нормализовать прохождение произведений поэта, пропущенных Николаем I через обычную цензуру. Слово ослёнок имеет пейоративную оценку и сопровождается эмоциями презрения и пренебрежения, которые усиливаются при помощи суффикса -ёнок. В этом же письме употребляется и слово бык. Оно не толкуется в СЛЯП [51, т. 1, с. 198], но мы полагаем, что слово имеет значение «упрямый человек». Так назван М.А. Дондуков-Корсаков, председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета, член Академии, с которым у А.С. Пушкина всегда были непростые отношения.

«Телеграф человек порядочный и честный - но враль и невежда...» (№ 181, П.А. Вяземскому, нач. июля 1825 г. Михайловское). Телеграф — издатель журнала «Московский Телеграф» Н.А. Полевой. В СЛЯП [51, т. 1, с. 381] враль имеет значение «пустослов, болтун», однако нам представляется, что здесь враль — «тот, кто пишет пустое». Вот этот враль и вызывает у А.С. Пушкина самую резкую негативную оценку и эмоцию презрения.

Также письма А.С.Пушкина выражали *оценку внутренней политики правительства и самих правителей* (письма С. И. Тургеневу от 21 августа 1821 г.; А. А. Бестужеву от конца мая — начала июня 1825 г.; П. А. Вяземскому от 27 мая 1826 г. и др.). «Меня тошнит с досады — на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость — долго ли этому быть?» (Л. С. Пушкину, январь — начало февраля 1824 г.).

Образ дамы наделяется прюдством (лексический окказионализм А.С. Пушкина: прюдничать — «быть излишне строгим в вопросах приличия, благопристойности» [51, т. 3, с. 871]), когда речь идёт о правительстве: «Правительство не дама, не *Princesse Moustache*: прюдничать ему не пристало» (№ 401, П.А. Вяземскому, около 25 янв. 1829 г. Петербург). Здесь пейоративная оценка связана с эмоцией пренебрежения.

Именами римских правителей Октавия Августа, Тиверия А.С. Пушкин в письмах называет Александра I: «Всё тот же я — как был и прежде; С поклоном не хожу к невежде, С Орловым спорю, мало пью, Октавию — в слепой надежде — Молебнов лести не пою» (№ 21, Н.И. Гнедичу, 24 марта 1821 г. Из Кишинёва в Петербург); Я карабкаюсь и, может быть, явлюсь у вас . Но не прежде будущего года... Жуковскому я писал, он мне не отвечает; министру я писал — он и в ус не дует — о други, Августу мольбы мои несите! но Август смотрит сентябрём!... Кстати: получено ли моё послание к Овидию? будет ли напечатано?» (№ 43, Л.С. Пушкину, окт. 1822 г. Из Кишинёва в Петербург). при употреблении имён Август, Октавий по отношению к Александру I в письмах поэта преобладает пейоративная оценка. В Лицее юноша-поэт связывал героическую борьбу русского народа с иноземным захватчиком и освобождение Европы от наполеоновской тирании с именем Александра I, надеялся на либеральные реформы в России, называя начало его царствования «прекрасным». Позже отношение А.С.

Пушкина к царю начинает меняться. Разочарование в личности Александра I, неодобрение и иронию отражает эмотивный фон имени Октавий Август.

Результаты нашего исследования представлены на диаграммах

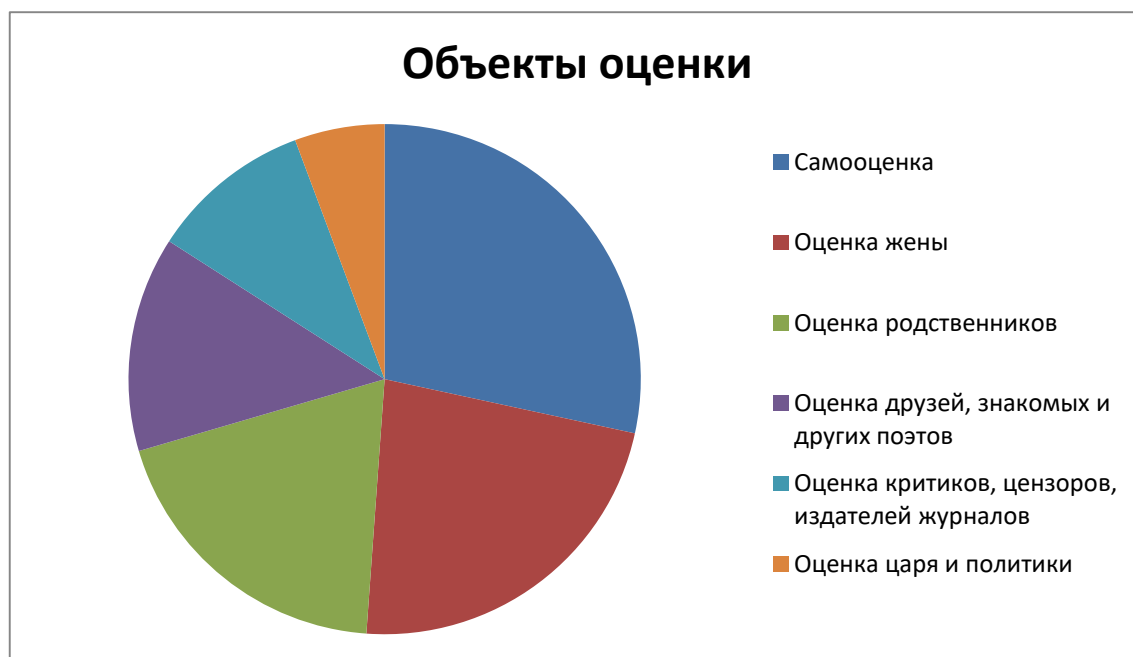

Диаграмма 1

Из данной диаграммы видно, что большую часть составляет самооценка, примерно одинаковое количество употреблений оценочной лексики приходится на оценку жены и оценку родственников.

Диаграмма 2

Из данной диаграммы мы видим, что большее количество употреблений оценочной лексики посвящено оценке внешности человека, второе место занимает оценка профессиональных качеств.

Выводы по главе 2

Богатство эмотивно-оценочной лексики в эпистолярном дискурсе А.С. Пушкина проявляется в широком круге объектов оценок: помимо самооценки и оценки жены поэта в письмах А.С. Пушкина представлены его оценки близких друзей и знакомых, писателей (А.Н. Вульфа, Е.Н. Вульф, П.А. Вяземского, В.Ф. Вяземской, А.П. Керн, В.К. Кюхельбекера, П.В. Нащокина, П.А. Плетнёва, К.Ф. Рылеева, А.А. Бестужева, С.А. Соболевского, И.А. Крылова, Д.И. Фонвизина и др.); родственников (А.Н. Гончаровой, Е.Н. Гончаровой, Н.И. Гончаровой, В.Л. Пушкина, Л.С. Пушкина); критиков, цензоров и издателей журналов (Н.А. Полевого, А.В. Никитенко, М.А. Дондукова-Корсакова, А.Ф. Смирдина и др.), царя и политики.

Наибольшее количество эмотивно-оценочных употреблений встречается в письмах Н.Н. Пушкиной (117 употреблений - 38 % от общего числа эмотивно-оценочных лексем), П.А. Вяземскому (45 употреблений - 15 %), П.А. Плетнёву (24 употребления — 8 %). В письмах жене

доминирующими являются мелиоративная оценка (75 употреблений связаны с мелиоративной оценкой, 20 с синкретичной и 22 с пейоративной) и выражаемые эмоции любви и восхищения. Синкретичная и пейоративная оценка часто связаны с эмоцией ревности. Н.Н. Пушкина является практически единственным адресатом женского пола писем, написанных на русском языке (за исключением письма А.С. Пушкина № 346 к А.П. Керн, написанного вместе с А.Н. Вульф и А.Н. Вульфом и письма № 1079 к Н.И. Гончаровой).

В структуре эмотивно-оценочного слова эмотивный компонент связан более чем с 40 эмоциями. Это свидетельствует о богатой эмоциональности характера поэта. Можно выделить наиболее часто встречающиеся эмоции и чувства. С пейоративной и синкретичной оценкой связаны пренебрежение, неодобрение, презрение, насмешка, с мелиоративной и синкретичной — восхищение, симпатия, доброжелательность, любовь, одобрение. В письмах поэта в структуре эмотивного компонента также находим антипатию, уважение, недовольство, расположение, жалость, негодование, ревность, удовлетворение, осуждение, снисхождение, возмущение, разочарованность, досаду, жалость, неуважение, раздражение, беспокойство, близость, заботу, ликование, недоброжелательность, непонимание, неприязнь, неуважение, недовольствие, обиду, огорчение, похвалу, сожаление, сочувствие, тревогу, успокоение.

А.С. Пушкин как языковая личность отличался глубиной фоновых знаний, характеризующих высокообразованного человека своего времени. Исследуемая нами эмотивно-оценочная лексика включает в себя культурный компонент: переосмысляются имена античных богов и героев^ библейские имена, имена исторических деятелей (писателей, драматургов., императоров; и др.), названия географических объектов и др.

Наибольшее количество употреблений в первичной авторской оценке имеют пейоративный «заряд» и соотносится с объектом мужского пола. Пейоративная оценка лиц женского пола может быть связана и с качествами

характера объекта оценки, неприятными поэту - «недотрога» (Кларисса), «распутная» (Вавилонская блудница), а также с желанием «поддеть адресата письма (Минерва, Кларисса — наименования женщин, отвергнувших А.Н.Вульфа, адресата письма). При этом чаще всего пейоративные наименования лиц и женского и мужского пола сопровождается эмоция пренебрежения. Мелиоративная оценка наименований лиц мужского пола чаще всего связана с положительным отношением к объекту оценки. Иногда, качества, являющиеся причиной наименования объекта оценки поэт находит и в себе - «себялюбие» Аристипа Всеволодовича и «любвеобильность, стремление к роскоши» Алжирца (Н.В. Всеволожский) и т.д. Синкретичная оценка связана, в основном, с положительным отношением к объекту оценки, но неодобрением в его характере качеств, являющихся основанием наименования.

Заключение

Таким образом, нами были выявлены и проанализированы оценочные высказывания в эпистолярном наследии А.С.Пушкина, изучены средства выражения оценки и выявлена их роль в письмах А.С.Пушкина. В процессе работы мы выявили тексты, содержащие оценочную лексику, определили способы и средства создания оценочности, изучили особенности функционирования оценочных высказываний в письмах А.С. Пушкина.

Язык оценок раскрывает не только индивидуальный, но и общенациональный способ осмысления картины мира, ценностные ориентиры автора и выражается стратегией использования слова в высказывании. Эмотивно-оценочная лексика передаёт эмоциональное состояние языковой личности, её чувства, переживания, отношение к ситуации, объекту оценки и т. д.

Следовательно, нужно подходить к рассмотрению оценки и понятия «языковой личности» в их связи, будь то конкретная творческая личность или более абстрактное понятие, соотносимое с усредненными качествами носителя языка.

Основная часть выявленных оценочных высказываний принадлежит самому автору, часто встречается в диалоге. Большинство эмоциональных оценок, используются слова с интеллектуальными, эстетическими, этическими, нормативными оценками.

Оценка всегда соотносится с характеристикой. Основной функцией оценочных высказываний в письмах А.С.Пушкина является функция выражения характеристики. Наличие её связано с необходимостью дать меткую, яркую характеристику по каким-либо признакам. Объекты оценки в письмах разнообразны. Это критики, друзья, другие поэты и писатели, родственники поэта и его жены: их внешность, поведение, черты характера, чувства, умственные способности, отношение к окружающим людям и явлениям.

Давая кому-либо характеристику, автор письма создает психологический портрет.

Оценочность тесно связана с эмоциональностью, поэтому к функциям оценочной лексики относится обнаружение внутреннего эмоционального мира автора, выражение авторского отношения к изображаемому.

Выражая своё отношение к людям, явлениям, событиям, автор дает оценку этому миру, из чего следует функция оценочной интерпретации мира.

В исследованных нами эпистолярных текстах присутствует множество способов и средств создания оценочности. Мы выявили их на формообразовательном, синтаксическом, лексическом, словообразовательном уровне. Эти средства подчеркивают и усиливают оценочность.

Большое значение письма автора имеют для изучения его биографии, для ознакомления с его бытом, образом мыслей, с литературной борьбой, в которой он участвовал. В письмах отчетливо видны постоянные черты его живого, открытого, доверчивого характера, его деятельного и ясного ума. Вместе с тем в письмах отражен жизненный путь поэта, изменения в его судьбе, взглядах, душевной настроенности.

Кроме того проведённый анализ позволяет расширить существующие представления об оценке поэтом многих явлений действительности и окружающих его людей, об отношениях поэта с адресатами писем и объектами оценок, о ценностных ориентирах А.С. Пушкина, о его креативности и «языковом чутье».

Круг объектов оценок широк: помимо самооценки и оценки жены поэта в письмах А.С. Пушкина представлены его оценки близких друзей и знакомых, писателей; родственников; критиков, цензоров и издателей журналов; царя и политики.

Для характеристики фрагмента языковой личности А.С. Пушкина в эпистолярном дискурсе основополагающее значение представляет фактор адресата. В письмах разным адресатам доминируют различные оценки и эмоции. Наибольшее количество эмотивно-оценочных употреблений встречается в письмах Н.Н. Пушкиной, П.А. Вяземскому, П.А. Плетнёву. В письмах жене доминирующими являются мелиоративная оценка (35 употреблений связаны с мелиоративной оценкой, 10 с синкретичной и 18 с пейоративной) и выражаемые эмоции любви и восхищения. Синкретичная и пейоративная оценка часто связаны с эмоцией ревности.

Мы выделяем три типа оценки: мелиоративную, пейоративную и синкретичную. Синкретичная оценка возникает в случаях, когда отрицательно оцениваемые качества поэт отмечает у близких или симпатичных ему людей или у себя самого в настоящем или прошлом; или, наоборот, хорошими качествами или свойствами обладают люди, неприятные А.С. Пушкину; возможно также соединение в одном объекте качеств, свойств, признаков, традиционно оцениваемых как положительные и как отрицательные. Кроме того, в ряде случаев употребление слов с традиционно пейоративной лексикой может быть связано с традиционным стилем общения в пушкинском кругу, что создаёт синкретизм оценки лексемы.

Негативное отношение А.С. Пушкина вызывают наименования лиц мужского пола, включающие сему «неталантливый», при этом речь идёт не только об издателях, писателях и поэтах, но и о каретнике, актёре; «глупый»; семы, указывающие на «мнимость» каких-либо положительных¹ качеств; «корыстный»; «лицемерный»; «болтливый». Для лиц женского пола наиболее отрицательными становятся семы «светская», «кокетка», «недотрога». Положительно оцениваемые качества для мужчин – «талантливый», для женщин — «красивая», «добрая», «энергичная».

Библиографический список

1. Аванесова Н. В. Эмоциональность и экспрессивность –категории коммуникативной лингвистики // Вестник ЮГУ. Вып. 2 (17). Ханты-Мансийск: ЮГУ, 2010. С. 5–9
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка. — Волгоград: Перемена, 1993. 147с.
3. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация: Виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 304 - 357.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.:Наука, 1988. 341 с.
5. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии [Текст]/ О.С. Ахманова. –М.: Учпедгиз, 1957. –295 с.
6. Баженова Е.А. Категория оценки / Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст] / Е.А. Баженова, О.В. Сиполс. –М.: Флин-та, 2003. –696 с.
7. Близнюк Н.А., Сергиенко Н.А. Понятие и структура оценки в системе языка // Теоретические и прикладные аспекты лингвистических исследований: межвузовский сборник научных трудов. Сургут: Сургут, гос. ун-т.,2001.С. 84 - 87 .
8. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М.: Гослитиздат, 1941. 619 с.
9. Виноградов В.В. Язык Пушкина. М. - Л.: Academia, 1935. 454 с.
10. Винокур Г.О. О языке художественной литературы: Учебное пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1991. 448 с.
11. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
12. Иванов Л.Ю. Текст научной дискуссии: Дейксис и оценка. — М.: «НИП 2Р», 2003. — 208 с.
13. Ивин, А.А. Основания логики оценок [Текст] / А.А. Ивин. –М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1970. –230 с.

14. Ильина Н.В. Структура и функционирование оценочных конструкций в современном английском языке: дис. канд. филол. наук / Н.В. Ильина. –М., 1984. –200 с.
15. Ильинская И.С. Из наблюдений над лексикой Пушкина (элементы современного просторечия у Пушкина). Труды института русского языка. М. - Л.: АН СССР, 1950. Т. 2. С. 80 -104.
16. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
17. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. –2-е изд. –М.: Издательство ЛКИ, 2010. –264 с.
18. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации: Краткий курс. М.: АСТ: Восток - Запад, 2007. 256 с.
19. Ковалевская Е.Г. Семантическая структура слова и стилистические функции слов // Языковые значения. Л., 1976.С.63–72.
20. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка: учебник [Текст] / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. –М.: Флинта:Наука, 2008. –464 с.
21. Ланге Н.В. Эмотивно-оценочная лексика эпистолярного дискурса А. С. Пушкина (на примере анализа наименований лиц): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Смоленск,2010
22. Лотман Ю.М. К функции устной речи в культурном быту пушкинской эпохи // Семиотика устной речи. Лингв, семантика и семиотика. Учёные записки. Тарту: Тартуский ун-т, 1979. Т. 2. Вып. 481. С. 107 —120.
23. Лукьянова Н.А. Экспрессивность как семантическая категория //Языковые категории в лексикологии и синтаксисе / Под ред. Н.А.Лукьяновой. Новосибирск: НГУ, 1991.
24. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. Новосибирск: Наука, Сибирское отд-е, 1986. 227 с.
25. Ляпон М.В.Оценочная ситуация и словесное само моделирование // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 24–35.

26. Маймин Е.А. Дружеская переписка Пушкина с точки зрения стилистики // Пушкинский сборник. Псков, 1962. С. 77 — 87.
27. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке // Филологические науки. 1996 (а). № 1. С. 7 -13.
28. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. //Учеб. пособие по спецкурсу. — М.: Изд-во МПУ, 1993. — 125с.
29. Маркелова Т. В. Функционально-семантическое поле оценки в русском языке // Вестник Моск-го ун-та. Сер. 9. — 1994. — № 4. — С. 112.
30. Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке [Текст] / Т.В. Матвеева. - Свердловск, 1986.
31. Модзалевский Б.Л. Примечания // А.С. Пушкин. Письма. В 3-х т. Т. 1 - 3. М - Л.: АН СССР, 1926 - 1935.
32. Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М.: Наука, 1984.
33. Сильницкий Г.Г. Трехмерная система межчастеречных семантических категорий // Семантика. Грамматика. Квантитативная и типологическая лингвистика. Смоленск, 2006. Т. 1. С. 225 –242.
34. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности [Текст] / О.Б. Сиротинина. – М.: Знание, 1974. – 260 с.
35. Смирнова Л. Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения: системный и функциональный аспекты: дисс. ... д. филол. н.Смоленск, 2013. 610 с.
36. Собрание сочинений А.С. Пушкина. В 10 т. Т. 1 - 10. М.: Худ. литература, 1958- 1962.
37. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986

38. Телия В.Н. О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки [Текст] / В.Н. Телия // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. –1996. –№4 –С. 31-38.

39. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. –1976. -№3. – 66 с.

40. Черейский Л.А. Современники Пушкина: Документальные очерки. Л.: Дет. литература, 1981. 270 с, ил.

41. Чернявская Е.А. Оценка и оценочность в языке и художественной речи: на материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А.С.Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2001. С 256-301.

42. Чернявская, Е.А. Оценочность в семантике лексических единиц. Лексическая и грамматическая семантика: Материалы респ. конф. –Белгород, 1998. –97 с.

43. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. 190 с.

44. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В.И. Шаховский. – Воронеж, 1987.

45. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях [Текст] / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1977. – 168 с.

Словари и справочники:

46. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС: КомКнига, 2007.

47. Большой толковый словарь русского языка /<http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>

48. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993.

49. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов.энциклопедия, 1990.

50. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Подред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, 2006.

51. Словарь языка А.С. Пушкина. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956 —1961. Т. 1 — 4

52. СлРЯ XI - XVII в. - Словарь русского языка Сл. РЯ XI - XVII века. М., 1975 —..., вып. 1 -26.

53. СлРЯ XVIII в.- Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984 -..., вып. 1 - 13

54. ССР ЛЯ - 17 — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 1 - 17. М.-Л., 1950-1965.